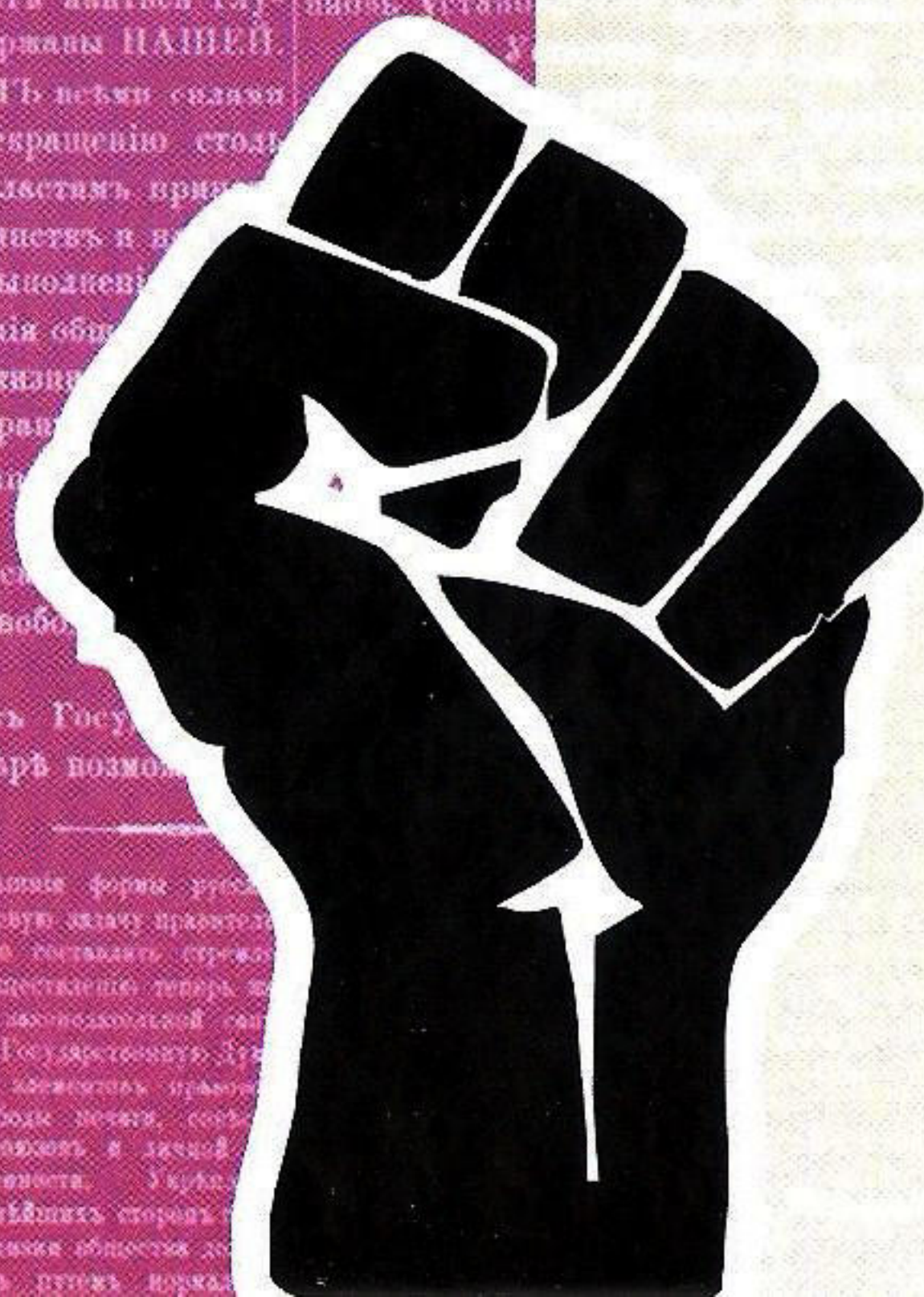

А. И. КЛИНИЦКИЙ

НИ СОЦИАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

А. И. КЛИНИЦКИЙ

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Кемерово
Кузбассвузиздат
2011
scytherian's scan

Клиницкий А. И.

К49 Социальные революции в российской истории / А. И. Клиницкий. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. — 78 с.

ISBN 978-5-202-01037-8.

В работе отражены основные этапы либерализации российского общества в контексте движения к правовому государству через категории «научного и общественного прогресса» как главной движущей силы истории. Автор в доступной форме знакомит читателя со сложнейшими понятиями историософии: «философия истории», «социальная революция», «диалектическое накапливание» и др.

Благодаря привлечению методов истории, герменевтики, психологии, политологии, работа носит междисциплинарный характер и может быть интересна как специалистам-гуманитариям, так и всем, интересующимся российской историей и культурой.

ББК 60.032.621.1

© Клиницкий А. И., 2011

© Издательство «Кузбассвуиздат», 2011

Поиск оптимальной модели исторического развития, всецело анализирующий и конструирующий прошлое и потому имеющий основание моделировать картину будущего, на протяжении многих столетий беспокоил и беспокоит по сей день умы историков и философов.

В современной России это наиболее заметно и актуально. Отход от марксистско-ленинской методологии, главенствующей в советской науке, способствовал распространению трудов различных исторических школ и новых взглядов, но в то же время удалив старую «цель и смысл» истории, не дал ничего взамен! Итог — история как наука воспринимается в наши дни в общественном сознании не более чем сумма фактов, пусть даже обобщенных и классифицированных. Реанимированное православие не смогло (да и не могло) заполнить эту нишу.

Мысли о России, ее специфическом развитии, месте во всемирном историческом процессе уже на протяжении двух столетий привлекают внимание историков и философов. «Российская державность» — один из ключевых предметов отечественной историософии. Заложенная фундаментом философской мысли в самом начале XIX века (а на внефилософском уровне — еще раньше), она остается одной из главнейших двигателей историософии и сейчас.

Борьба консервативного и либерального начал, начатая еще в споре М. М. Сперанского и Н. М. Карамзина, вылилась в два течения, захлестнувших отечественную мысль в николаевский период — западничество и славянофильство, начатых со знаменитых «Философических писем» П. Я. Чаадаева. Именно вопрос о месте «уникального востоко-запада» в истории был основополагающим на протяжении всего досоветского периода, сменившись в дальнейшем марксистско-ленинской парадигмой.

Для России, находящейся сейчас в очередной стадии диалектического «накопления», ввиду главным образом политической составляющей ее властных структур и повышенного влияния религии на общество¹ крайне важно суметь преодолеть свое отставание «сверху», чтобы оно не превратилось в социальную катастрофу, свергающую накопленные проблемы «снизу». Именно этим, на наш взгляд, объясняется актуальность данной работы, предлагающей читателю ознакомиться с идеей «диалектического накопления и социальных революций» как характерной чертой российского общества в целом и социально-политической культуры в частности.

Таким образом, объектом нашего исследования будут являться особенности исторического развития России с древнейших времен до наших дней, а предметом – «диалектическое накопление» и социальные революции как характерные черты российской цивилизации.

Литературы об особенностях российской цивилизации и русской духовности написано крайне много. Однако порой складывается впечатление, что все книги и статьи о русской духовности пишутся по единому шаблону, авторы лишь переставляют местами слова в предложениях! В работах зачастую усиленно культивируется образ Святой Руси, а православные нормы вкладываются в коллективное бессознательное всего русского народа, причем именно всего, а не каждого в отдельности, подчеркивая тем самым соборный характер русской державности. Вторя славянофилам, авторы говорят о «христианской любви» как основной движущей силе народа как творца истории. Пример тому – работа Ю. Сохрякова «Русская цивилизация: философия и литература»². Образ русского человека предстает как умиротворенный, жертвующий собой во имя вселенского блага. Русский православный человек есть некое «мировое светило», чистое душевно и духовно существо, которое из-за христианской кротости не стремится выйти на историческую арену сам, но его то

¹ По сравнению с советским или даже демократическим периодом 90-х гг. XX в.

² Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература / отв. ред. О. Платонов. М., 2010.

и дело туда выводит сложная судьба его страны и народа, а также и всего мира.

Трудно сказать, что движет авторами подобных «произведений» – это либо религиозное чувство, либо православный патриотизм, либо просто ненаучный, а, скорее, творческий подход к написанию, но одно можем заметить твердо – работы идентичны, за исключением некоторых деталей.

Более того, работы о русской духовности отличает и еще одна важная особенность – это постоянный поиск врага. Чаще всего, таким «врагом» выступает «развращенный и индивидуалистический» Запад как центр материальной культуры, всегда, якобы, стоящей на втором плане в России³. Порой это выискивание врага доходит до человеконенавистнических высказываний. В частности, К. Леонтьев восклицает: «Нужно различать любовь-милосердие и любовь-восхищение. Современные европейцы не заслуживают ни той, ни другой любви: очень уж они стали буржуазно-самодовольны, и поэтому их незачем жалеть, они уничтожают всё прекрасное на Западе: католическую церковь, дворянские привилегии, народные обычаи и развращают всех славян»⁴.

Западники как общественно-политическое течение воспринимались (и порой воспринимаются) если не как «изменники Родины», то, как минимум, души «заблудшие». Все тот же Ю. Сохряков приводит слова В. Розанова: «Где у них (западников) эта страстность и чистота убежденности, какие есть у Константина Аксакова? Эта прелесть и сила речи, которую, независимо от всякого содержания, мы любимся невольно в «Национальной политике» и других многочисленных статьях К. Леонтьева?»⁵. Столь нелестная оценка западников тоже отчасти характеризует «поиск врага», если не в

³ В русской религиозной философии образ врага может восприниматься как символ смерти. В частности, у Н. Ф. Федорова враг есть «природная сила смерти», правда, он же упрекает католический и протестантский Запад в чрезмерной индивидуализации и эгоизме, что не приводит к «спасению», но ведет к смерти.

⁴ Ю. И. Сохряков. Указ. соч. С. 110.

⁵ Там же. С. 21.

глубинном политическом смысле, то хотя бы в местном философско-историческом. Размышляя о представителях прозападно-ориентированной интеллигенции, М. О. Меньшиков приходит к выводу, что они «как сомнамбулы следят за Западом, бессознательно подымая уровень своих потребностей»⁶.

Удивляет не столько «обеление» русской души, сколько негативное отношение к иному культурно-историческому типу, измеренному мерками собственного православного понимания. Само человеколюбие порой отходит на второй план, уступая место ненавистническим высказываниям.

Однако, что было актуально для века девятнадцатого, успеет устареть для века двадцать первого, особенно с учетом бурных трансформаций ценностей в веке двадцатом ввиду политических катаклизмов и неоднократной смены политических режимов в нашей стране и во всем мире. Наша задача – взглянуть на российскую цивилизацию XXI века, но, безусловно, с учетом исторических традиций российской державности и русского народа.

Социальные революции, т. е. предмет нашего исследования, характеризуют довольно долгий и сложный путь России, но все же именно от Петра I в результате сближения России с Европой они начинают проявляться более явно.

Философия и история (как наука) всегда развиваются взаимосвязано, потому как история помогает видеть прошлое, осознавая настоящее, а философия – делать определенные выводы, способствовать более высокому развитию науки, возвышая тем самым её практическую значимость. Искренне надеемся, что данная работа не просто заинтересует читателя, но и поможет при анализе сложившейся политико-административной ситуации в стране, а также способов преодоления кризиса.

Автор выражает сердечную благодарность своим друзьям, а также горячелюбимой семье за помощь и поддержку при написании работы.

⁶ Меньшиков М. О. Из писем к ближним. М.: Военное издательство, 1991. С. 45.

Глава 1. ПОНЯТИЕ «ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ» И ВЗГЛЯД КРУПНЕЙШИХ ФИЛОСОФОВ НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Мы уже отмечали, насколько длительным и сложным был процесс поиска оптимальной философской формулы исторического развития. Данный процесс не завершен по сей день.

Единой концепции исторического развития не существует. И вряд ли она может существовать. И главных причин тому две – своеобразие регионального развития (под влиянием религии, экономики, культуры и др.). И вторая, как справедливо отметил Е. Ф. Казаков, «в силу невозможности изучать общество во всем многообразии его характеристик представление о нем упрощается»⁷ путем выделения наиболее важного, по мнению автора, фактора общественного развития. Это же и есть причина великого многообразия историософских теорий и концепций.

Под «философией истории» принято понимать раздел философии, призванный ответить на вопросы об объективных закономерностях и духовно-нравственном смысле исторического процесса, о путях реализации человеческих сущностных сил в истории, возможностях обретения общечеловеческого единства⁸.

Сам термин «Философия истории» принадлежит французскому просветителю Вольтеру, вопрос о существовании общих законов исторического развития, непосредственно связанный с предметом философии истории в современном понимании, поставил немецкий просветитель Иоганн Готфрид Гердер в работе «Идеи к философии истории человечества» (1784).

⁷ Казаков Е. Ф. Исторический процесс как система. Кемерово, 1992. С. 3.

⁸ Философия истории / под ред. А. С. Панарина. М., 2001. С. 8.

Начало философскому анализу исторического процесса в европейской культуре положил Августин Блаженный. Он рассматривал историю с позиций провиденциализма.

Августин различал два вида человеческой общности: «град земной», т. е. государственность, которая основана на «любви к себе, доведенной до презрения к Богу», и «Град Божий» – духовную общность, которая основана на «любви к Богу, доведенной до презрения к себе». Последняя, согласно Августину, и ведет человечество по истории к обретению единства с Богом.

В основу периодизации истории человечества Августин положил «Библию». Он разделил историю на шесть периодов. Пять периодов у него связаны с ветхозаветной историей. Шестой период начался с первого пришествия Иисуса Христа. Он закончится «вторым пришествием», «Страшным судом».

Начиная с Возрождения, и особенно в эпоху Просвещения, развивается рационалистический взгляд на историю. Так, французские просветители XVIII века утверждали, что ход истории определяется идеями. Кант же полагал, что всемирная история есть реализация «плана природы» при активном участии людей, направляемых философским разумом.

Развернутую объективно-идеалистическую картину исторического процесса нарисовал Гегель. Согласно ему, в истории общества реализуется содержание Мирового Духа. Моментами и ступенями развития мирового духа Гегель считал деяния отдельных народов. Дух не только «витают над историей, как над водами, но действует в ней и составляет ее единственный двигатель».

Маркс и Энгельс разработали диалектико-материалистическую концепцию исторического процесса. Согласно ей, основой существования и развития общества является материальное производство. «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще».

Способ производства – это конкретно-исторический способ добывания людьми средств к жизни. В структурном отношении он

состоит из двух взаимосвязанных элементов – производительных сил и производственных отношений.

Производительные силы и производственные отношения находятся в диалектическом единстве. В этом единстве главной стороной являются производительные силы. Каковы производительные силы, таковы и производственные отношения. С изменением производительных сил рано или поздно меняются и производственные отношения. В свою очередь, производственные отношения оказывают активное обратное воздействие на развитие производительных сил. Они могут стимулировать или тормозить их развитие.

Таким образом, материальное производство – основа существования общества на каждом этапе, а его диалектическое развитие обуславливает поступательное движение общества.

Важное место во взглядах Маркса и Энгельса занимает учение об общественно-экономических формациях. Общественно-экономическая формация – это исторически определенный тип общества, представляющий собой особую ступень в его развитии. Таких ступеней в истории общества Маркс выделил пять: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, буржуазную и коммунистическую. Правда, Маркс говорил и об особом, азиатском, способе производства, но свои соображения на этот счет не оформил в виде учения об особой общественно-экономической формации.

В конце XIX и в XX веке разрабатывается цивилизационный подход к истории. Так, Ростоу выдвинул теорию стадий экономического роста, которая получила значительное распространение в социально-экономической литературе.

А. Тойнби разрабатывает концепцию философии истории по формуле – «вызов-ответ». Соответственно, те общества, которые оказались в стабильных природных условиях, старались приспособиться к ним, ничего не изменяя, и наоборот – социум, который испытывал регулярные или внезапные изменения окружающей среды, неизбежно должен был осознать свою зависимость от природной

среды и для ослабления этой зависимости противопоставить ей динамичный преобразовательный процесс⁹.

Автором цивилизационного подхода принято считать О. Шпенглера, хотя его основные постулаты были выработаны на полвека раньше русским философом Н. Я. Данилевским в его работе «Россия и Европа», в которой он противопоставляет «уходящей» европейской цивилизации молодую славянскую цивилизацию.

Чуть дальше цивилизационного подхода пошел мир-системный анализ, который исследует социальную эволюцию систем обществ, а не отдельных социумов, в отличие от предшествующих социологических подходов, в рамках которых теории социальной эволюции рассматривали развитие прежде всего отдельных обществ, а не их систем. Исследуются не только эволюция социальных систем, охватывающих одну цивилизацию, но и такие системы, которые охватывают более одной цивилизации или даже все цивилизации мира. Подход был разработан в 1970-е годы А. Г. Франком, И. Валлерстайном, С. Амином, Дж. Арриги. В качестве важнейшего предшественника мир-системного подхода, заложившего его основы, обычно рассматривается Ф. Бродель.

На общем фоне вершин философии французского просвещения или немецкой классической философии русская мысль выглядит более чем скромно, но именно историософия получила большее распространение среди отечественных мыслителей, в частности вопрос о месте России в мире в ее перспективе и ретроспективе. Здесь уместно сказать о знаменитых работах «отцов славянофильства» И. В. Киреевского и А. С. Хомякова, на опыте и философской рефлексии которых и складывались идеи Н. А. Бердяева и О. С. Булгакова. Также важно отметить ряд интересных разработок – это теория «цветущей сложности» К. Леонтьева, теории прогресса П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского, а также знаменитый русский марксизм, весьма глубоко разработанный в работах Г. В. Плеханова и В. И. Ленина.

⁹ Прокофьева Г. П. Становление категории «Цивилизация» как универсальной единицы анализа исторического процесса: дис. ... канд. философ. наук. Хабаровск: 2001. С. 41.

Однако наибольшей глубины мысли достиг русский религиозно-философский ренессанс. Учение Вл. Соловьева о трех силах истории, олицетворяемых в трех типах культуры: мусульманской, западноевропейской и славянской, представляет историю как Богочеловеческий процесс, в котором борются два типа культуры (мусульманский и западноевропейский), а на третий (славянский) возложена миссия сглаживания противоречий между Востоком и Западом.

Особенно ярко эти идеи проявились в период «агонии самодержавия». Революция 1905 года, ее поражение ускорили процесс сближения философии и религии, что нашло отражение в программном сборнике «Вехи» (1909), когда надежды на достижение «земного рая» и других не менее иллюзорных идеалов героической эпохи окончательно рухнули. Согласно авторитетному, хотя и не беспристрастному суждению Г. В. Флоровского, творческий союз философии и религии, обозначившийся в России в начале века, по силе интеллектуальной мощи и влиянию на духовную жизнь общества может быть уподоблен гуманистическому Ренессансу, пережитому Европой в XV веке¹⁰.

Немалое влияние на русскую философию истории оказало также учение Евразийства, разработанное Г. В. Вернадским и Л. Н. Гумилевым. Сейчас оно находит отражение в работах А. Г. Дугина. Согласно ему, вся сознательная политическая история русского государства есть путь «против солнца», т. е. на Восток. Это и есть способ приращения могущества России.

Справедливости ради отметим также знаменитые учения, уделяющие внимание в первую очередь природно-климатическим факторам и связывающим воедино революции биосферы с общественными изменениями. В частности, А. Л. Чижевский изучал взаимосвязь истории общества с процессами, происходящими на Солнце¹¹. В дальнейшем этот тезис будет разрабатываться уже на-

¹⁰ Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Очерк русской философии истории // Русская историософия. Антология. М., 2006. С. 71.

¹¹ Казаков Е. Ф. Исторический процесс как система. Кемерово, 1992. С. 6.

званным нами Л. Н. Гумилевым в рамках его теории «пассионарного толчка» и Б. Бесединым в рамках его работы «Карма истории. Теория социальных катастроф». Данный подход требует более тщательного научного анализа.

Таким образом, обозначив наиболее крупные школы и направления историософии, отметив их многообразие, мы перейдем к рассмотрению специфики российской истории и философских взглядов на сложную судьбу России.

Глава 2. РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

2.1. Некоторые специфические черты исторического развития России и русского народа как носителя державности

Россия – страна контрастов, что определяет главным образом ее уникальность и уникальность русского народа. Ее особенные, специфические черты видятся необычными и кажутся парадоксальными как на историческом Востоке, так и на Западе. Русское содержательное мессианство (бытие ради истины и бесконечные поиски этой истины), ценность целостности (соборной, народной, общественной, государственной), принцип справедливости, укоренившийся консерватизм, выраженный и культивируемый по большей части в отношении верности (порой фанатичной) православному учению, жертвенность или бердяевская «женственность» русской души¹², державность, выраженная, как правило, в оправдании любых властных злоупотреблений¹³, и составляют особенность русского бытия.

Эти же черты нашли свое отражение и в период советской власти, период очередного (третьего) скачка русской истории. Мессианство сменилось на веру в общество всеобщего равенства (коммунистическое общество), русская целостность вылилась в коллективизм и очередное подавление индивидуального начала, принцип справедливости виделся как недалекое будущее, ибо не

¹² Бердяев Н. А. Судьба России // Философия свободы. С. 272–273.

¹³ Столь схематично выразить некоторые особенности русской цивилизации автору помогло пособие А. Г. Дугина «Обществоведение для граждан новой России». М., 2007. С. 135–138. Несмотря на то, что автор не согласен со многими постулатами философских и исторических взглядов традиционализма профессора Дугина, он рекомендует ознакомиться с некоторыми его работами.

раз советские руководители разных поколений заявляли что «ваши дети будут жить при коммунизме», ради этой «высокой» цели советский народ всеми силами стремился «дать пятилетку в четыре года» и т. д. — это ли не выражение жертвенности русской души?! Державность выразилась в почитании культа личности советских вождей и коммунистической партии и идеологии в целом как единственно верной.

Однако насколько дорого обходится России ее специфика и почему чаще всего именно она является причиной вечного отставания России?! По сути, постоянная гонка и «догоняющий» характер развития России стали главными ее отличительными чертами. Больной отечественный консерватизм способствует не консервативной модернизации общества, а его замиранию, топтанию на месте. Любое либеральное, демократическое движение вперед воспринимается зачастую болезненно или сознательно культивирует болезненное восприятие со стороны власти или оппозиции¹⁴. Итог — очередной застой! Именно этим, на наш взгляд, вызвана скачкообразность русского исторического процесса — застой, вместо поэтапного и постепенного реформирования системы вызревает в форму социального негодования или протеста, который может выражаться в петициях царю, акциях и митингах, восстаниях и забастовках, в некоторых случаях — во свержении власти. В любом случае итогом будет резкое реформирование и разворот всей государственной машины в иную сторону. Это периоды кардинальной либерализации русской истории. Иногда этот разворот может проходить «сверху» (как при Петре I, Александре II), иногда «снизу» (как в 1917 г. или в 1991 г.).

Накапливание проблем, культивируемое российской пассивностью, а иногда и леностью, часто прикрытое значимостью православных, консервативных ценностей, ведет к очередному застою, замораживанию системы вплоть до следующего скачка, коих в российской истории мы насчитали четыре. Первый связан с деятельно-

стью Петра Великого, пытавшегося, по замечанию Г. В. Вернадского, привнести протестантские европейские обычаи на патриархальную Россию¹⁵. Не удивительно, что царь встретил массовое негодование со стороны старых боярских родов, но поскольку он вовремя ликвидировал институт православного патриаршества, заменив его подвластным императору Синодом, это негодование удалось смягчить. После Петра начинается этап адаптации его реформ на российской земле, сменившийся позже застоем русской истории, борьба с которым нашла свое отражение в социальных восстаниях. Наиболее показательным восстанием 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге.

Следующий скачок — либеральные реформы императора Александра II — столь ожидаемая отмена крепостного права, а также судебная, административная, военная, школьная и университетская реформы предопределили следующий виток русской истории, истории уже капиталистической России. Но поскольку реформы не были доведены до логического конца — крайне медленно распространяли свое действие по территории огромной империи, народ так и не получил Конституцию, а потомки великого реформатора вообще «пошли на попятную», выразившуюся в контрреформах, изъятии свобод, данных прежним императором. Мы наблюдаем очередное «накапливание» и новый всплеск социального негодования, во многом подкрепленный и проблемами молодой капиталистической экономики России. Наступила, как говорил В. О. Ключевский, «агония самодержавия»¹⁶, завершившаяся «смертью старой России» в 1917 году.

Третий скачок русской истории связан с укреплением власти Советов. Пытаясь кардинально изменить систему и создать государство, не имеющее аналогов в мире, большевики пытаются ломать не только систему государственного управления, но и саму ментальность

¹⁴ Само слово «демократия» в России после 90-х гг. XX в. стало нарицательным.

¹⁵ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М., 2008. С. 227.

¹⁶ Советская Россия. 2003. № 134 (12477). 29 нояб.

русского человека, превращая его в человека нового типа — «советского коммуниста». Правда, реформаторский энтузиазм вскоре сворачивается (вместе с нэпом) и наступает новая стадия консервативного накопления — подготовка нового, четвертого скачка.

Четвертый скачок связан с перестройкой, распадом Советского Союза и приходом к власти демократов. Придя в не самое подходящее, кризисное, в первую очередь для экономики, время, демократы вызвали крайне негативное отношение к себе в общественном сознании, что и дало возможность «партии здорового консерватизма» укрепить свою власть, а это являет собой почву для очередного накопления.

Обратим внимание на то, что периоды различны по своей временной протяженности, более того, для них характерно постепенное сужение¹⁷. Периоды, вероятнее всего, будут длиться все меньше и меньше, пока не достигнут критического минимума, после которых их замена может перерасти в смуту. И тому есть вполне логичное объяснение.

Время как философская величина движется неравномерно на Западе и на Востоке. Разнится скорость течения этого времени, соответственно, разнится и время в традиционной, индустриальной и постиндустриальной формах общественного устройства. Время неумолимо движется вперед, причем крайне динамично, и динамика эта растет и на Западе, и на Востоке, но с разной скоростью. Запад более динамичен, и отчасти это вызвало более развитый уровень материальной культуры. Западу удалось не только догнать, но и обогнать Восток. Перекладывая эти рассуждения на Россию как евразийское государство, уникальный Востоко-Запад, мы отмечаем, что время здесь движется так же вперед, но быстрее, чем на Востоке, поскольку всегда очень тесны были контакты с западным миром, но медленнее, чем на Западе, во многом из-за своих специфических

¹⁷ Несмотря на то, что третий период на два десятилетия длиннее предыдущего, эта затяжка носила исключительно искусственный характер за счет создания «государства сильы». Тенденции к распаду Советский Союз начал проявлять сразу после смерти «вождя народов» И. В. Сталина.

черт, отмеченных выше, а также из-за углубления православного учения в народном сознании и огромных размеров, ибо еще сибирские областники В. О. Ключевский и некоторые современные ученые, в том числе и профессор Г. М. Лаппо, отмечали что «вся беда России в том, что она слишком большая»¹⁸. Таким образом, длительность четвертого периода и последующих периодов будет уменьшаться, а перспективы развития будут отмечены нами далее. Власть может, безусловно, продлевать длительность периодов искусственно, т. е. за счет политических репрессий, однако и эти меры не способны удержать социальные революции, но еще более убеждают общество в их необходимости.

Схематично изображая предлагаемую нами периодизацию на основе диалектического накопления и кардинальной ликвидации его последствий, отметим что «скачкообразность» российской истории описывали и ранее — Л. Н. Гумилев, связывая исторический процесс с теорией пассионарного толчка¹⁹, Б. П. Беседин, пытавшийся связать жизнь человеческих популяций и трех циклов климатических изменений, приводя массу примеров из истории нашей Родины²⁰, но безусловный прорыв в этих исследованиях был сделан А. С. Ахиезером, выдвинувшим концепцию маятникообразности российской цивилизации в ее исторической ретроспективе и перспективе²¹. Наша точка зрения несколько отличается от предыдущих, ибо отличается и сам взгляд на социокультурную динамику России, отмечая высокую роль социально-политической культуры в историческом процессе.

Таким образом, мы выделяем следующие периоды российской истории:

¹⁸ Лаппо Г. М. Территориальная структура России в начале XXI века // <http://geo.1september.ru/2002/33/4.htm>.

¹⁹ Гумилев Л. Н. От Руси к России. М., 2004.

²⁰ Беседин Б. П. Карма истории. Теория социальных катастроф. М., 2005.

²¹ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России): в 2 т. Новосибирск, 1997.

Подготовительный этап – от образования государства Киевская Русь в 882 году до ликвидации татаро-монгольского ига при Иване III (формально – 1480 год – стояние на р. Угре).

Первый этап – от Ивана III до начала активных реформ Петра I после «Великого посольства» 1697–1698 годов.

Второй этап – от резкого скачка вперед в результате деятельности Петра Великого до активных реформ «царя-освободителя» Александра II.

Третий этап – эпоха российского капитализма. От резкого скачка в результате либеральных реформ 60–70-х годов XIX века до кардинальных политических изменений в результате революций 1917 года.

Четвертый этап – эпоха строительства социализма. От Октябрьской революции и установления власти Советов до перестройки и свержения советской власти в 1991 году.

Пятый этап – современность. Период от 1991 года до наших дней. Период продолжается и не является завершенным.

Обратим внимание на то, что предлагаемая периодизация носит надгосударственный и наддинастический характер, ибо один период может включать несколько государственных образований и в ее основе лежит нечто не совсем объяснимое рационально. Мы определим это как взрывы народной ментальности, провоцируемые как государственной политикой, так и духовной сферой жизни общества. Несогласие и разброд поколений, сознательное удержание России в рамках «стандартной русской духовности»²², отсутствие постоянного диалога власти с народом, причем сразу с несколькими поколениями, а не только с наиболее активным, способствует сначала накоплению, а затем резкому выплеску народного негодования – взрыву народной ментальности. Именно народ является творцом истории, и предугадать очередной всплеск – не только основная задача государства, но и средство удержания власти в собственных руках.

²² Для чего активно использовалась церковь как социальный институт.

Необходимо также разделять понятия «народ» и «простонародье», ибо в нашем случае народ есть национальная, субстанциональная сила, бессознательно стремящаяся улучшить качество собственной жизни как в духовном, так и в материальном отношении. Свобода (духовная и материальная) – одно из основных требований и желаний народа.

Для более полного понимания сути предлагаемого выделения периодов мы перейдем к обзорной характеристике каждого из них, но прежде более подробно ознакомимся с понятием «социальная революция», ее характером и движущими силами.

2.2. Понятие «Социальная революция»:

характеристика, составляющие и движущие силы

Социальные революции характерны для любой цивилизации, но различаются их цели, характер и движущие силы. Поскольку мы характеризуем социальные революции в России, будем отталкиваться от российской истории и культуры.

Как уже отмечалось ранее, народ является творцом истории. Задача власти – вовремя предугадать настроение общества и выработать идеальное решение, удовлетворяющее различным слоям общества. Диалог народа и власти – основа уверенного характера власти, с одной стороны, и выбора верного политического пути – с другой. Главная трудность здесь – разнородность общества. Общество не есть единая субстанция с единой целью, еще более разнятся представления о методах достижения целей. А борьба «большинства» и «меньшинства» есть движущая сила изменений умонастроений народа и, как следствие, социальных революций.

Любая борьба «большинства» и «меньшинства», как и сам выход на историческую арену этого «меньшинства», связана с их стремлением освобождения от определенной стигмы. Их требования сводятся, как правило, к расширению их политической, экономической и социальной значимости. На наш взгляд, здесь отчасти приемлема «пирамида потребностей» А. Маслоу, когда на нижние

ступени (т.е. необходимые в первую очередь) встают обычные физиологические потребности. Соответственно, экономические требования являются первоочередными, особенно когда «меньшинство» есть группа маргинальная, что бывает довольно редко.

Выше стоят потребности социальные и социально-политические, сравняться в правовом отношении с «большинством», первоочередная цель любой социальной революции, зачастую сопровождаемой бунтами.

Умение лавировать между интересами «большинства» и «меньшинства», умение искать компромиссы – не только задача власти, но и способ удержаться, сохранить власть в собственных руках.

Отказ вовремя (не раньше, не позже, а именно «вовремя») либерализовать общество – значит, способствовать ослаблению или, в крайней степени, свержению власти. «Консервация», или леонтьевская «заморозка» старых порядков, может играть двойственную роль, но пока того требует «большинство», данная мера безопасна для власти. Когда требование либерализации перерастает из требования «меньшинства» в требование «большинства» – угроза власти неминуема. Неприятие того со стороны властных структур и есть основная причина социальных революций. В российской истории их четыре, причем характер их различен.

Социальные революции «сверху» – это реформы Петра I и Александра II, которые проводили «либерализацию» общества в контексте его политической повседневности, идя в противоречие с существующей опорой власти (боярство, дворянство) и создавая тем самым условия для новой опоры (служилое дворянство, капиталистические слои общества). И та и другая социальная революция были доведены до логического конца, однако первая носила более радикальный характер, поскольку являла собой первую попытку кардинальных общественных перемен по западному образцу. Вторая же в общем контексте – более размеренный характер и во многом была неудачна. Однажды дав права человеку, их уже не стоит забирать, ибо это провоцирует социальные волнения в значительно

большей степени, нежели отсутствие этих прав в истории данной страны или данного сословия. Именно этот параметр сведет на нет успехи демократизации в период «контрреформ». Социальные революции «сверху» всегда носят более сдержанный характер и имеют определенную поставленную цель (в отличие от социальных революций «снизу»), правда, не всегда полностью удовлетворяющую требованиям народа.

Совсем иной характер носят социальные революции «снизу». Русский бунт, жестокий и беспощадный, сметает все на своем пути. Не успев вовремя реформировать общество, прислушаться к требованиям наиболее передовой части населения и, как правило, наиболее активной, мы наблюдали «агонию самодержавия» и свержение большевизма.

Важно отметить, что и Николай II в последние годы правления, и М. С. Горбачев пытались проводить либеральные реформы, но их время было уже упущено. Самодержавно-патриархальный характер власти в первом случае и брежневская геронтократия во втором – первооснова для данных социальных революций. Не проводя изменений, удерживая общество искусственно, власть обрекает себя на свержение в дальнейшем, лишаясь народной поддержки.

Для русского народа свойственно терпение, безропотное почтение любой власти, но поскольку предреволюционные годы (т.е. несколько лет перед социальной революцией) помимо политических, сопровождались еще и экономическими затруднениями, кризисный взрыв был неминуем!

В первом случае – это Первая мировая война, в которую была втянута Россия в крайне опасный период революционного подъема, а также огромный внешний долг Российской империи, во втором – внутренние товарно-экономические затруднения, положенные на деспотичный характер власти в стране постоянного дефицита.

Для обоих предреволюционных периодов, несмотря на нарастающие противоречия, свойственно усиление реакции вкупе с загнивающей государственной идеологией – самодержавие – правосла-

вие – народность или царство коммунизма, в которые верили только истинные приверженцы старой власти, число которых в предреволюционные и революционные годы постоянно уменьшается.

Любая социальная революция должна доводиться до логического завершения, т. е. достигать своих целей. «Снизу» это достигается через бунт и приходом «угодной» власти, но без четкой программы дальнейшего переустройства общественных начал, а «сверху» – через полноценные и качественные реформы, полностью или по большей части изменяющие изживший себя старый порядок. Во многом это зависит от личности правителя. В случае недоведения социальной революции до логического завершения «сверху» она будет закончена «снизу». Это важная черта русской духовности – «терпели до конца, менять тоже нужно до конца!» Правда, необходимо разделять понятия «социальная революция» и «бунт». Русский бунт, как правило, анархичен по своей природе, он раскрепощает низшие инстинкты при разрушении традиционных устоев, когда в условиях бессмысленного существования и безнаказанности человек ощущает себя сгустком слепой стихии, в отличие от западного, более «упорядоченного» бунта. «Социальная революция» – понятие более широкое и включает в себя не только сам факт восстания, но и его результаты, и политические последствия.

Не каждый бунт являет собой социальную революцию, но каждая социальная революция сопровождается бунтом! В том числе и революция «сверху» сопровождается бунтами сторонников старого порядка и «черносотенными» заявлениями о «Святой Руси» и нарушениями ее естественного развития.

Приоритетны, как правило, социально-экономические цели. Поскольку именно народ вершит историю, именно его «насуточные» требования должны быть полноценно удовлетворены любой ценой, в противном случае социальная революция получает продолжение.

Любой период, в соответствии с предлагаемой периодизацией русской истории, включает в себя три важнейших составляющих: первое – это сама социальная революция, полностью сметающая

старый порядок и радикально либерализирующая общество, причем по западному образцу; второе – это равномерное развитие в духе достигнутых целей, поставленных в предреволюционный период и в ходе самой революции, третье – консервация достигнутых порядков, отказ от предлагаемых типов модернизации (ссылаясь в основном на традиции) и подготовка следующей социальной революции за счет «консервативного накопления».

Далее мы перейдем к обзорной характеристике периодов русской истории и отметим характер социальных революций, знаменующий новый этап, переложив ее теоретические составляющие на практическую историю.

3.1. Подготовительный этап – от образования Киевской Руси до свержения татаро-монгольского ига (882–1480)

Данный этап характеризуется зарождением государственности и ее равномерным поэтапным развитием без видимых «скачков» и «взлетов». Здесь лишь складываются предпосылки для последующего отставания России.

Древнерусская государственность, сложенная под влиянием норманнов, берет свой старт в середине IX века н. э. со знаменитого «Призвания варягов на Русь».

«В лето 6370 (862). Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и вьста родъ на родъ, и почаша воевати сами на ся. И реша сами в себе: «поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву». И идоша за море к варягам, к Руси; сице бо тии звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъгляне, друзии Гъте, тако и си. Реша Русь и Чудь, и Словени, и Кривичи вси: земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет (как нет его и сейчас. – А. К.), да поидите княжить и володети нами».

На «зов» откликнулись три брата – Рюрик, Трувор и Синеус. Рюрик сел княжить в Новгороде, Трувор – на Белоозере, Синеус – в Искоростени на Древлянской земле. «И от техъ варягъ прозвася Руская земля...»²³.

Как было выяснено историками еще в позапрошлом веке, имена Трувора и Сенеуса можно перевести как «род» и «дружина». Спе-

²³ Повесть временных лет. 862.

циалисты признают историчность Рюрика, но личности его братьев считают легендарными.

По вопросу происхождения Рюрика ведется множество споров, самые значимые версии связывают Рюрика с несколькими историческими личностями той эпохи – либо с пиратом Рериком Ютландским из Дании, либо с Эйриком Эмундарсоном, конунгом шведской Уппсалы, а также с западнославянскими племенами и ваграми. Однозначного ответа на вопрос о происхождении первого русского князя дать нельзя, главным образом ввиду недостатка информации о нем. Под сомнение также ставилась и хронология призвания Рюрика.

Актуальный по сей день спор между норманистами, антинорманистами и неонорманистами о причинах складывания раннего русского государства, а также о роли внешнего фактора в этом процессе мы раскрывать не будем, отметив лишь влияние норманнов (каким бы оно ни было) в образовании государства восточных славян. Пример тому – находки в Ладоге – месте сосредоточения варягов.

После удачного военного похода князя Олега на Киев и убийства местных князей Оскольда и Дира в 882 году завершается начальный этап складывания древнерусской государственности, о чем могут говорить более поздние факты сбора полюдья – ежегодного объезда князем подвластных земель с целью сбора дани, т. е. сложилась единая система налогообложения, пусть и достаточно примитивная.

Во внешней политике первых русских князей, как правило, выделяют три основных направления – это южное направление, включающее главным образом отношения с Византией, второе – восточное, включающее в себе отношения с Хазарским каганатом и со степью, и третье – западное – это отношения со странами Западной и Северной Европы, пока лишь набиравшее силу.

Но если первоначальные проявления внешней политики связываются преимущественно с грабежом, то уже со времен князя Святослава (945–962) появляются несколько иные устремления пер-

вых князей: Святослав стремился обосноваться на нижней Волге²⁴. Именно этим и вызвано его нежелание находиться в Киеве после изгнания кочевников: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы»²⁵.

Огромное значение для дальнейшего внутривосточного и духовного развития молодого русского государства сыграло принятие православной веры князем Владимиром около 988 года²⁶. Главными итогами принятия новой веры стало более тесное сближение с самым развитым европейским государством того времени – Византией, расцвет материальной культуры и появление письменности на Руси.

Князь-креститель Владимир, как известно, не был первым христианским князем – его бабушка княгиня Ольга, бывшая регентом при Святославе, еще около 957 года приняла православную веру во время своего визита к византийскому императору.

Для конца X века отход от язычества и принятие христианства было крайне прогрессивным шагом. Религия отражает потребности времени. Христианство, как никакая другая религия, отражала потребности европейского феодального общества. Но если на подготовительном этапе она рассматривается как главная движущая сила социокультурного развития, то уже на первом – как один из тормозящих факторов ввиду разделения понятий «светская» и «духовная» культуры.

Временем окончательного складывания Древнерусского государства можно считать период правления Ярослава Мудрого (1019–

²⁴ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М., 2008. С. 50.

²⁵ Повесть временных лет. 969.

²⁶ В исторической науке существует мнение, основанное на поздних сообщениях никоновской летописи, что Русь была крещена на сотню лет раньше – первое крещение киевлян произошло еще при князе Аскольде, но позже следы христианства были стерты князем-язычником Олегом (См.: Прошин Г. Второе крещение // Как была крещена Русь. М., 1988. С. 66).

1054). При нем появляется первый свод законов – «Правда Ярослава». Таким образом, за полтора века своего существования государство сложилось окончательно и могло вступать в следующую стадию своего развития – эпоху феодальной раздробленности.

Много можно назвать причин феодальной раздробленности – это и межкняжеские усобицы, и порядок вечевого управления, не желающий признавать верховенство столичного Киева (особенно с началом его постепенного упадка), и путаницы, связанные с порядком престолонаследия (от отца к старшему в роду), и изменения в хозяйственной жизни, связанной с оседанием бояр на земле и началом эксплуатации крестьян, и многое другое. Нам важно отметить, что феодальная раздробленность – закономерная стадия развития государства и затаенный этап укрепления государственной власти, власти одного правителя – будущего «собирателя» земель.

Ранняя Русь была составной частью зарождающейся европейской цивилизации. Безусловно, она отставала по уровню своего социально-культурного развития от Константинополя, но в то же время переняла для себя и много черт византийского развития. Главная из которых, по нашему мнению, заключается в том, что Киевская Русь – цивилизация городская. Города средневековой Руси – центры всей культурной, промышленной, светской и духовной жизни. Хотя и русские города не знали борьбы с сеньорами-феодалами за свою независимость, тенденции к последнему особенно активно проявлял «Господин Великий Новгород», во многом благодаря своей географической близости к Европе и отдаленности от столицы. В дальнейшем Иван IV Грозный жестоко покарает Новгород за его свободолюбие. Отсутствие этой «борьбы за свободу» в свою очередь тоже отложится на рабском менталитете, а бердяевская «власть пространств» над русской душой уже тогда будет проявляться в бытовой лености и смиренности перед господином (Новгород – исключение).

Окончательно Русь распадется на несколько небольших феодальных государств после княжения Владимира Всеволодовича Мономаха (1113–1125), вслед за Ярославом, активно использующим

институт династических браков для укрепления международных связей государства. Именно при нем создается монахом Сильвестром вторая редакция «Повести временных лет» (1116–1117). Данная версия летописи дошла до наших дней.

После Мономаха Русь окончательно вступает в период феодальной раздробленности, значительно снизив уровень своей обороноспособности, что незамедлительно отразится на борьбе со степью.

Собирание русских земель под властью одного князя (волею судьбы – московского) имело одну важную специфическую черту, которая в дальнейшем, на наш взгляд, и приведет к российскому отставанию. Объединение происходило не в результате внутреннего осознания важности этого процесса, внутренним созреванием, а под натиском внешней опасности. Русь, подвергшаяся разрушительным завоеваниям монголов в 1237–1241 годах, нуждалась в сильной руке и грамотной внешней политике в отношениях с Золотой Ордой, от которой несколько десятилетий находилась в вассальной зависимости.

«Иконой» своего времени станет князь Иван Данилович Калита²⁷ – политик, сумевший поставить интересы своего княжества и свои собственные выше остальных, выше остальной Руси, ибо он участвовал в совместных походах с монголами против славянских князей для укрепления собственного княжества. Политику отца продолжают и его сыновья – Семеон Гордый и Иван Красный, а перенос митрополичьей кафедры в Москву еще более закрепит за ней статус политического центра.

Уже внук Ивана Калиты – князь Дмитрий, получивший прозвище Донской, превращает укрепленное Московское княжество в центр борьбы с Ордой. Монгольское государство, к тому моменту погруженное в смуту, терпит первое поражение от Руси на Куликовом поле в 1380 году²⁸. Однако спустя год в результате нашествия

²⁷ Калитой на Руси называли денежный мешок, или кошелек.

²⁸ В результате археологических раскопок на Куликовом поле не обнаружено остатков крупной битвы. Вероятно, битва действительно была, но где и когда именно – остается не совсем ясно.

хана Тохтомыша прежний порядок выплаты дани в пользу Орды был восстановлен.

Начиная с укрепления московского центра Русь меняет траекторию своего развития, становясь более «закрытой» страной, т. е. вовлеченной более во внутривосточные процессы – борьба с монголами и вхождение старых княжеств в состав Московского – основные задачи московских правителей.

3.2. Первый этап – от свержения монгольского ига до петровских преобразований (1480–1698)

Данный этап характеризуется началом диалектического накопления и подходом к первой социальной революции, повлекший «взрыв» народной ментальности, совершенной сверху великим правителем – Петром I.

При Иване III практически завершается объединение старых русских земель вокруг Москвы, но важно, что оно было вызвано не внутривосточным созреванием, осознанием слабости феодальной системы как категории государственности, а фактором внешним – борьбой с монголами и иной внешней угрозой. Результат – создание «государства силы», когда роль всех прикрепленных к Москве княжеств искусственно снижалась в сравнении с усиливавшимся центром. Система завершилась созданием к середине XVI века отраслевого приказного управления.

Помимо этого, от Ивана III же берет свое начало процесс закрепощения крестьян. Судебник 1497 года устанавливает единое для всех крестьян время возможного перехода от одного владельца к другому – неделя до и после Юрьева дня (26 ноября). Спустя век данная практика будет приостановлена введением заповедных лет – годов, в которые запрещался крестьянский переход. Единственным средством «реализации» Юрьева дня остается только побег.

Своеобразным идеологическим подтверждением сложившейся политической системы стала знаменитая концепция «Москва – Третий Рим» (прил. 1), возвеличивающая роль православной Москвы

как преемницы Рима и Константинополя, а «четвертому Риму не бывать!»

Сильная Москва сумела дать отпор монголам, но в то же время именно укрепление столичной знати станет одной из причин диалектического накопления.

Иван IV – одна из наиболее примечательных фигур российской истории. Возможно, именно он мог бы осуществить переход России на новый этап, но вместо этого главным итогом его правления становится огромное хозяйственное разорение страны. Опричнина²⁹, Ливонская война разграбили русское крестьянство. Экономические и демографические результаты опричнины резюмировал псковский летописец, записавший: «Царь учиниша опричнину... И от того бысть запустение велие Русской земли»³⁰.

Но Иван все же не до конца утерял диалог с обществом, ибо земские соборы являлись неким сословно-представительским органом власти. Созванный впервые еще в 1549 году в период «молодого и здорового царя», просуществовал данный орган власти крайне недолго. Спустя ровно век – в 1649 году состоялся предпоследний, а в 1653 году – последний Земский Собор. С усилением государства и властной верхушки потребность в нем отпала. Диалог народа и власти был полностью утерян.

Здесь же считаем нужным отметить, что близкие по смыслу органы власти – Парламент в Англии, впервые созванный в 1265 году, Генеральные штаты во Франции, созданные в 1302 году, Кортесы в Испании, созданные в 1137 году, а 1188 году впусившие в свои ряды сословия горожан, не только не перестали существовать с укреплением королевской власти, но и, напротив, сами набирали силы. Возможно, именно в такие моменты проявляется «женственность русской души», о которой писал Н. А. Бердяев: «Царь-батюшка» на

²⁹ Нам не свойственно выявлять опричнину как плот больной фантазии царя, здесь мы, пожалуй, согласимся с В. О. Ключевским и признаем опричнину как средство борьбы против старой боярской знати.

³⁰ Кобрин В. Б. Иван Грозный. Глава II // <http://vivovoco.rsl.ru/vv/books/grozny/grozny2.htm>.

Руси продолжил укреплять «государство силы», а о парламентаризме вновь заговорят уже только в XIX веке.

Обозначенные нами обстоятельства могут объясняться характером хозяйствования государства и его экономикой. Горожане в Европе принципиально отличались от городского сословия на Руси. Быт жителей мелких русских городов вообще мало чем отличался от крестьянского, соответственно, интересы городского сословия учитывались в разной степени, на Руси они так же, по сути, приравнивались к эксплуатируемым сословиям. Буржуа западного типа в русском государстве сложится как сословие значительно позднее.

Хозяйственное разорение страны продолжилось при преемниках Ивана Грозного. Фактическим правителем был не Федор Иванович, а Борис Годунов. Ситуация дальнейшей политической смуты (Федор Иванович не оставил наследника, его супруга – царица Ирина отказалась от престола) сопровождалась огромным хозяйственным разорением, вынудившим народ ополчиться против «семибоярщины» и польского короля Владислава, что выразилось в двух народных ополчениях, одно из которых – под руководством К. Минина и Д. Пожарского – закончилось успешно, т. е. окончанием интервенции.

Так как авторитет царской власти был непреодолим, два народных ополчения были направлены исключительно против интервенции, но не против царской власти. Ситуация в начале XVII века была изрядно накалена голодными годами.

Некоторая политическая стабилизация наблюдается с избранием нового царя из династии Романовых. В целом XVII век – период неоднозначный и противоречивый. Именно здесь накапливание перейдет в решающую стадию. Противоречивые тенденции, такие как церковный раскол, спровоцированный реформами патриарха Никона, направленными на унификацию церковных обрядов, но встретившие огромное сопротивление со стороны так называемых старообрядцев, долгое время преследуемых государственной властью; начавшиеся процессы «обмирщения» культуры, не просто раз-

деливших понятия культуры «светской» и культуры «духовной», но и противопоставив эти понятия, спровоцировав их борьбу, вынудят государство на продолжение политики «закрытия» России, опасаясь распространения европейских протестантских идей, способных, по мнению царя, снизить авторитет светской и духовной власти. В частности, Алексей Михайлович отказался принимать посольство Кромвеля под предлогом неприятия царевичей.

Западная Европа переживала переход к Новому времени, новому формату мировоззрения, мироощущения, усиливая динамику своего развития под зарождающимися принципами просвещения и демократизации. Когда Нидерланды и Англия переживали буржуазные революции, а в Англии казнили короля Карла I Стюарта, отказавшегося идти на компромисс с новым зарождающимся классом и чрезмерно высоко оценившим свои личные принципы и свою личную значимость, в России в том же 1649 году приняли Соборное Уложение, окончательно закрепостившее крестьян. Такова цена «консервативных ценностей» и такова тормозящая роль церкви в данный период.

У России было два пути – продолжение накапливания и социальная революция «снизу», либо неперемнная социальная революция «сверху», после посещения царем Петром Алексеевичем Европы, он принимает второй вариант. Причем довольно решительно и бескомпромиссно, чем вызвал массу негодования не только среди современников, но и среди потомков. К примеру, движение славянофилов резко критиковало Петра за нарушение естественного хода истории «Святой Руси»³¹.

Будущие петровские реформы были поистине необходимы.

³¹ В начале своей речи на открытии памятника А. С. Пушкину в Москве 6–8 июня 1880 г. И. С. Аксаков говорил о «страшном насиловании», которому подверглась русская земля при Петре I, рабелепстве пер ед «европеизмом», нарушении духовной цельности. По его мнению, «белый день» в истории русской художественной культуры настал только с появлением Пушкина, в творчестве которого «русская стихия» наконец-то «прорвалась наружу» // Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. М., 1999. С. 262–266.

3.3. Второй этап – от реформ Петра Великого до перехода на капиталистическое развитие (1698–1861)

Данный период характеризуется первой в российской истории социальной революцией, совершенной «сверху», но не является завершающим этапом в эпохе феодальной России. После кардинальных перемен при Петре и эпохи применения его реформ начнется новая стадия консервативного накопления.

Преимущественно с военными целями молодой царь Петр Алексеевич в 1697–1698 годах посещает Европу. Безумно впечатленный европейским образом жизни, образом мысли, он осознает необходимость кардинального реформирования патриархальной России. Начавшаяся война со Швецией (1700–1721) еще более усилила уверенность царя. В. О. Ключевский писал о Петре: «Он просто делал то, что подсказывала ему минута, не затрудняя себя предварительными соображениями и отдаленными планами, и все, что он делал, он как будто считал своим текущим очередным делом... и сам не замечал, как этими текущими делами он все изменял вокруг себя – и людей, и порядки»³².

Важно осознавать, что прорубая окно в Европу и придавая России облик развитого европейского государства, Петр сделал огромный рывок в российской гонке, но ценой невероятной эксплуатации низших сословий.

Фанатичная помешанность царя на войнах способствовала успехам и на южном направлении (правда, они не были закреплены) и на западном – в борьбе со Швецией. Можно назвать три главных итога Северной войны – 1) получение Россией выхода к Балтийскому морю; 2) основание Санкт-Петербурга в 1703 г.; 3) Россия становится «империей», а Петр получает титул «императора», что значительно возвеличивало старую, патриархальную и «глухую» Россию перед Европой.

³² Ключевский В. О. Сочинения. Т. IV. М., 1989. С. 189.

Более того, царь в одночасье расправился как с боярами, так и с церковью – предыдущей опорой власти, предыдущим «большинством». После смерти патриарха Адриана в 1700 году царь вмешался в «дела церковные» и запретил выбирать нового патриарха. Главой церкви стал Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Стефан Яворский. По окончании Северной войны была создана Духовная коллегия (Синод), и, таким образом, духовная власть перешла в ведение светской.

Государственная служба тоже строилась на основе новой «Табели о рангах». Место старой боярской верхушки заняли дворяне, служба для которых была обязательной и пожизненной.

Перенос столицы государства отчасти также являл собой борьбу со старой боярской знатью, центром которой была Москва. Если Иван IV пытался «укрыться» в опричнине, то Петр пошел значительно дальше, основав новую резиденцию монарха.

Петровская эпоха – время колоссальных перемен во всех сферах жизни общества, но не все из них носили исключительно положительный характер. Было бы несправедливо не заметить вместе с Е. В. Анисимовым, что время петровских реформ – это время основания тоталитарного государства, яркой проповеди и внедрения в массовое сознание культа сильной личности – вождя, «отца нации», «учителя народа»³³. Эти заложенные черты, несомненно, скажутся в дальнейшем.

Народ сполна заплатит за петровскую деятельность, но заплатит за прогресс, чем и сохранит царя в народной памяти как Петра Великого.

Дворцовые перевороты, начавшиеся после смерти первого императора, значительно ослабили страну, а новый этап крепостничества еще более усугубил положение крестьянства. В 1736 году помещики получили право определять крепостным меру наказания за побег, а с 1760 году – ссылать их на поселение в Сибирь.

³³ Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 89.

В свою очередь в дворянской среде начались процессы, характерные для положения допетровского боярства. 18 февраля 1762 года Пётр III подписывает «Манифест о даровании вольности и свободы российскому дворянству», освободивший его от обязательной службы, а в «Жалованной грамоте...», изданной 21 апреля 1785 года, Екатерина II подтвердила привилегии, данные ранее.

Петровское возвышение дворянства, однако, не сыграло значимой роли, ибо уже вскоре «старое боярство» отличалось от «нового дворянства» лишь по произношению. Екатерина сделала дворянство окончательно свободным сословием. Век просвещения диктовал Софии Фредерике Августе Ангальт-Цербстской свои правила – за «благородным» сословием осталась лишь обязанность воспитания «благородного» потомства. Правда, и с этой своей обязанностью они справлялись не всегда и весьма много тому примеров есть в русской литературе.

В. О. Ключевский писал, что, дав свободу дворянам 18 февраля, необходимо было освободить крестьян 19-го³⁴, но и Петр III, и Екатерина побоялись лишиться дворянской поддержки. Как ни парадоксально, но крестьяне будут освобождены 19 февраля, только спустя сотню лет – в 1861 году.

Столь разнонаправленная социальная политика спровоцировала народ на восстание. Разразилась крупнейшая крестьянская война в российской истории под предводительством Е. Пугачева.

Социальная революция «снизу» не произошла, да и вряд ли она могла вырасти из казачьего бунта, пусть и очень масштабного. Однако обстановка была достаточно напряженной и будет оставаться такой, еще более наращивая предпосылки для взрыва.

Молодой Александр (1801–1825) весьма грамотно это понимал и был полон желания невероятных перемен в Российском государстве. «Дней Александровых прекрасное начало», – называл это время А. С. Пушкин.

³⁴ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 388.

Воспитанный бабушкой Екатериной Великой в духе французского просвещения с почитанием свободы человека как высшей ценности, молодой император мечтал дать народу конституцию и удалиться в маленький домик на берегу Рейна. Но «вторым Петром» ему было не суждено стать.

«Золотой век русского крестьянства», бывший в первый период правления Александра, завершает эпоху петровских перемен, уже после войны с Наполеоном страна перейдет в стадию нового диалектического накопления ввиду перехода к политике реакции.

Проект М. М. Сперанского был отвергнут, за исключением введения Государственного Совета – только лишь законосовещательного органа. Знаменитый спор М. М. Сперанского и Н. М. Карамзина наиболее наглядно демонстрирует борьбу консервативного и либерального начал в России. Автор «Истории государства Российского» заявлял, что предлагаемые перемены не нужны стране. «Дайте нам 50 хороших губернаторов!», – говорил Н. М. Карамзин. Вера в «батюшку царя», крепкого хозяйственника в лице губернатора, способного разрешить любые проблемы, и не только политические, весьма значимо характеризует русского человека.

После Отечественной войны и заграничных походов русской армии режим в стране вновь сменился на «полицейский». Страна погрязла в «аракчеевщине».

Военные поселения, введенные Аракчеевым, – одна из самых жестоких форм эксплуатации, а будущий проект российской конституции, так называемую «Уставную грамоту», разработанную Н. Н. Новосильцевым, император так и не рискнул ввести в действие, ограничившись лишь дарованием основного закона царству Польскому.

«Полицейский» режим продержится до середины XIX века. Впервые заявить о нем во всеуслышание решились декабристы – члены подпольных организаций Северного и Южного обществ, вышедшие на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года. Безусловно, законы Российской империи именуют их «преступниками и терро-

ристами», но те идеалы, за которые они боролись и ради которых потеряли все – достойны уважения!

Лучшие российские офицеры, гнавшие великую армию Наполеона через всю Европу (где и заразились демократическими идеалами и уважением к правовому статусу личности), были осуждены, лишены состояния и титулов, многие отправлены в ссылки, пятеро удостоились смертной казни.

Следствие вели лично император Николай I (1825–1855) и уже упоминавшийся нами М. М. Сперанский.

Восстание декабристов было первой попыткой проведения социальной революции «снизу», оно уже не было простым бунтом сродни Пугачеву или Разину. Служивое дворянство сражается не только за собственные интересы, но и представляет в своих программных документах интересы других сословий. Данная «вспышка демократизма», однако, сыграла негативную роль, испугав и оттолкнув правительство от предполагаемых реформ.

Новый император воспитывался для военной службы, потому муштра и постоянная пристальная слежка стали главными характерными чертами его правления. Учреждения третьего отделения его величества императорской Канцелярии не сумело остановить волну общественного негодования. Ссылки, тюрьмы, надзор оказались бессильными в борьбе с зарождающимися передовыми течениями общественной жизни, к тому же в условиях большой страны, переживающей промышленный переворот.

Насаждаемая искусственно концепция «Официальной народности» С. С. Уварова, провозглашающая «три кита» российской державности – самодержавие, православие, народность, потерпела сокрушительное фиаско в кругах передовой интеллигенции, которой государство боялось превыше всего. Возможно, именно об этом искусственно насаждаемом и вызывающем отвращение патриотизме писал Лев Толстой: «В школах они разжигают в детях патриотизм историями, описывая свой народ лучшим из всех народов и всегда правым. Во взрослых разжигают это же чувство зрелищами,

торжествами, памятниками, патриотической лживой прессой; главное же – разжигают патриотизм тем, что, совершая всякого рода несправедливости и жестокости против других народов, возбуждают в них вражду к своему народу и потом этой враждой пользуются для возбуждения вражды в своем народе...»³⁵.

Государство также боялось развивать образование, ибо это могло приблизить время очередной социальной революции. «Не должно слишком торопиться с просвещением, – писал шеф жандармов и начальник Третьего отделения А. Х. Бенкендорф, – чтобы народ не стал по кругу своих понятий в уровень с монархами и не посягнул тогда на послабление их власти»³⁶.

Патриархальная, феодальная Россия загнивала на глазах. Развивать просвещение государь не считал нужным, любое инакомыслие пытались подавлять силой, диалог народа и власти отсутствует и не признается как надобность. Последние годы правления Николая I (1848–1855) характеризовались усилением реакции и вошли в историю как «мрачное семилетие».

Пожалуй, лишь церковь могла выражать удовлетворение правлением Николая – каждый монастырь получил от казны небольшой земельный надел и сверх того – различное недвижимое имущество в виде дара. Небольшая часть духовенства стала получать жалованье. Но быт деревенских священников, воспетых Л. Н. Толстым, все же мало чем отличался от крестьянского быта.

Французский путешественник и литератор Астольф де Кюстин, побывавший в России в 1839 году (приехал убежденным сторонником монархии, вернулся ярким республиканцем), саркастически восклицал о николаевской России: «Все здесь есть, не хватает только свободы, т. е. жизни»³⁷.

Предпосылки для социальной революции назрели еще в первый период правления Александра, и наиболее ярко необходимость

³⁵ Толстой Л. Н. Патриотизм и правительство // Дело Труда – Пробуждение. 1953. № 43. С. 11.

³⁶ Мемуары графа А. Х. Бенкендорфа // <http://dugward.ru/library/benkendorf.html>.

³⁷ Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990. С. 10.

перемен обозначилась после Отечественной войны, но социальной революции «сверху» произведено не было, недовольства и бунты сдерживаются силой, государство прежнего типа начинает носить «искусственный» характер, т. е. сохраняется в прежнем виде только за счет арестов и полицейского надзора.

Вся слабость и несостоятельность феодальной системы самодержавной николаевской России была продемонстрирована в период Крымской войны. Говорили, что Севастополь открыл глаза застоявшимся умам! Наступила критическая точка консервативного накопления, долгое время социальная революция удерживалась искусственно, но ей суждено будет произойти. Причем вновь «сверху»: преемник Николая I – Александр II – заведет машину российской гонки.

Россия, потерпев позорное поражение от Турции, встает на путь капиталистического развития.

3.4. Третий этап – эпоха российского капитализма первой волны

Данный период характеризуется бурным развитием абсолютно всех сфер жизни общества, помимо этого, для него характерна общая либерализация России. Началом периода мы считаем реформы Александра II, которые явили собой вторую социальную революцию «сверху», и окончанием – революционные события 1917 года. Причем не принципиально, о какой из двух революций мы будем говорить, ибо нас в данном параграфе интересует сам факт свержения власти, а не перспективы дальнейшего устройства.

Поистине реформы Александра Николаевича сыграли крайне весомую роль в российской истории. «Царь-освободитель» совершил не меньший переворот в умах, чем некогда Петр Великий. Правда, его реформы были более ожидаемы.

Наиболее долгожданный законопроект – отмена крепостного права в России манифестом от 19 февраля 1861 года. Правда, условия отмены обманули ожидания. Крестьяне стали лично свободны,

но земля по-прежнему оставалась за помещиками. Таким образом, на крестьян ложилась ответственность по выкупу занимаемой земли в течение 49 лет, пока же находясь в положении «временнообязанных». Позже именно это станет одной из причин революции 1905 года.

Недовольные условиями своего освобождения крестьяне поднимали восстания. За 1861 году произошло почти 1900 волнений, причем в половине случаев приходилось вмешиваться войскам.

Реформа критиковалась и в среде крестьянства, и в среде интеллигенции, и на Западе, но она была необходимостью. Какой бы грабительский характер она ни носила, она была необходима России для дальнейшего развития.

Помимо этого, либеральный характер эпохи выдвинул еще несколько реформ – создание земств как органов местного самоуправления, занимавшихся преимущественно социальными вопросами (медицина, культура, образование). По аналогии с земской была проведена городская реформа.

В результате судебной реформы Россия получила новый суд – бессловный, соблюдающий принципы соревновательности участников процесса, независимости суда, а также вводящий в судебную практику институт присяжных заседателей, правда, минус этой реформы состоял в том, что она крайне медленно распространяла свое влияние по огромной территории империи.

Значительно смягчилась цензура, отменены сословные преграды для получения среднего образования, а университеты получили столь желаемую автономию – полиция потеряла право вступать на территорию университетов, которые в свою очередь больше не должны были молчаливо воспринимать волю попечителя учебного округа. Предпринимались также мероприятия по ликвидации сословного характера российской армии.

Россия ожила и закипела. Для окончательного закрепления начатых преобразований вновь поднялся вопрос о Конституции. Однако после покушений на императора начинают набирать силы

и обратные процессы – закрываются журналы «Современник» и «Русское слово», ограничиваются функции земств, начинается давление на либеральную общественность, которую, к слову, уже нельзя было остановить. Слишком долго ожидали этих преобразований.

За три дня до подписания проекта М. Т. Лорис-Мелихова, 1 марта 1881 года, был убит террористами партии «Народная воля» Александр II. Убийство императорской особы оттолкнуло правительство от продолжения реформ. Наступает эпоха так называемых контрреформ Александра III (1881–1894).

Вновь возросла цензура. Многие газеты и журналы были закрыты, вновь введены убранные прежде сословные³⁸ барьеры для получения образования, наступления на земства также характеризуются ограничением их свобод.

Одновременно с этим были снижены выкупные платежи, учрежден Крестьянский поземельный банк и отменялась подушная подать (с 1886 г.), но ожидали от императора большего – отмены выкупных платежей полностью, чего не произошло. Недовольство властью назревало во всех сословиях.

Таким образом, вернуть прежние порядки Александру III не удалось, и его политика корректировки реформ потерпела сокрушительный крах в зеркале истории. На наш взгляд, период правления Александра Александровича (которого тоже, кстати, как Николая I, растили не для императорского престола), – это значимый откат всей реформаторской динамики. После него необходима была новая социальная революция «сверху», но его преемник – Николай II (1894–1917) побоится этого. В итоге началась «агония» самодержавия.

Правление последнего императора – это, скорее, история общественного движения, дичайшего «бурления» общества и выявления «русской беды». Одновременно с хаосом и революцией в сознании

³⁸ Под иными мы понимаем, в частности, вновь введенный запрет выпускникам реальных училищ поступать в университеты.

наступает Серебряный век русской культуры — время колоссальных открытий в литературе, искусстве и науке.

Кровавая давка в 1894 году при вступлении Николая на престол «измазала кровью» все его правление.

Именно при Николае принимались важнейшие законопроекты в российской истории, но они уже не имели весомого значения. Авторитет императорской власти исчерпан до дна.

Реформы средней школы, Столыпинская аграрная реформа, отмена выкупных платежей, введение золотого эквивалента рубля, создание Государственной Думы тускнело перед набирающими популярность идеями марксизма у рабочих, идеей свободы и освобождения из общины у крестьян, идеями демократизации у интеллигенции. Черносотенные организации теряли приверженцев час за часом. Самодержавие гибло на глазах.

События Кровавого воскресенья 1905 года, когда правительственные войска открыли огонь по мирным демонстрантам, несшим петицию царю во главе со священником Г. А. Гапоном, похоронили у народа веру в справедливую власть и продемонстрировали страх представителей этой самодержавной власти, а разорения в результате позорного поражения в войне с Японией, участия России в Первой мировой войне и огромным внешним долгом империи наглядно продемонстрировали потребность в переменах.

Социальной революции «сверху» не случилось. В итоге ее движущей силой стали низшие сословия.

Кризис третьеиюньской монархии выплеснулся в революционные стачки. Император, однако, по аналогии с Карлом Стюартом не желал уступать. Он распускает Думу, направляет в Петербург карательные отряды с фронта и уезжает в Царское Село. Правда, ни те ни другие до своей цели не добрались.

После этого думские лидеры окончательно убедились в необходимости требовать отставки Николая. 2 марта престол был передан Михаилу, который спустя сутки от него отказался. В итоге — образовалось временное правительство до созыва учредительного собрания.

Однако после озвученных «Апрельских тезисов» В. И. Ленина и первого Всероссийского съезда Советов коммунистические идеи набирают все большую популярность. И пока продолжалась агония власти, большевики набирали силы для рывка. Именно им будет суждено довести до конца третью в России социальную революцию, на этот раз «снизу».

3.5. Четвертый этап — от установления советской власти до 1991 г.

Данный период характеризуется социальной революцией «снизу», носящий стихийный характер. Именно большевикам удастся уловить необходимый тон народного волнения. Это позволит им прийти к власти и провести ряд радикальных реформ во всех сферах жизни общества. Однако с окончательным установлением власти и победой в гражданской войне будет взят курс на новое «накапливание», что особенно подкреплялось сначала репрессиями, а затем мобилизацией народных сил в борьбе с фашистами.

Социальные революции «снизу» носят всегда более агрессивный характер, нежели чем революции «сверху», ибо их ничего не сдерживает. Напротив, именно в их стихийности и стремительном зачеркивании прошлого и проявляется их сила.

В результате революционных изменений 1917 года и последующей гражданской войны в России складывается государство нового типа. Коренные изменения касаются всех сфер жизни общества — от гендерных вопросов и культуры до экономики и политики. «Государство рабочих» слепо живет идеей мировой революции и перехода к новой формации.

Советский человек первой половины 20-х годов XX века должен кардинально изменить свои представления о нравственности. Гомосексуальность, к примеру, перестала признаваться чем-то «грешным и безнравственным», мужеложство отсутствует и в уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 годов, хотя там, где он был сильнее всего распространен, в исламских республиках Азербай-

джане, Туркмении и Узбекистане, а также в христианской Грузии соответствующие законы сохранились.

Советские медики и юристы очень гордились прогрессивностью своего законодательства. На Копенгагенском конгрессе Всемирной лиги сексуальных реформ (1928) оно даже ставилось в пример другим странам. В 1930 году Марк Серейский писал в Большой Советской энциклопедии: «Советское законодательство не знает так называемых преступлений, направленных против нравственности. Наше законодательство, исходя из принципа защиты общества, предусматривает наказание лишь в тех случаях, когда объектом интереса гомосексуалистов становятся малолетние и несовершеннолетние...»³⁹.

Аналогичные примеры можно привести и со сметением всех гендерных стереотипов, сексизма, образа патриархальной семьи. А уравнительная политика в отношении заработных плат и общего экономического положения должна была способствовать скорому построению коммунистического общества. Однако с приходом к власти И. В. Сталина традиционные понятия о нравственности вновь возвращаются на свои прежние места, а «разброд в умах» пытаются контролировать посредством создания культа личности вождя и активной репрессивной политики плюс свертывание нэпа и начало индустриализации.

«Типичным» государством проще управлять, его проще контролировать (особенно учитывая его размеры). Концепция «построения социализма в отдельно взятой стране» должна была окончательно закрепить правильность идеологии КПСС. Хотя в открытом письме И. Сталину Ф. Раскольников замечалось, что «...Ваш «социализм», при торжестве которого его строителям нашлось место лишь за тюремной решеткой, так же далек от истинного социализма, как произвол вашей личной диктатуры не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата...»⁴⁰.

³⁹ Гомосексуализм в советское время // <http://bizon2000.narod.ru/simple01.html>.

⁴⁰ Раскольников Ф. Открытое письмо Сталину // Смена. 1988. 5 мая.

Если последствия первой социальной революции в России сходят на нет с течением времени (практически столетие), последствия второй революции были свернуты в результате перетолка, данными политическими контрреформами. Политика Александра III поспособствовала приближению стадии диалектического накапливания, последствия третьей были уже полноценно свернуты государственной властью. По сути, эта революция потерпела идеологическое фиаско, поскольку заключала в себе лишь смену власти и изменение экономического характера хозяйствования в государстве, но не добила глобальных психолого-личностных изменений.

Советское государство просуществует еще довольно долго, но только за счет политических репрессий.

Новый этап сближения народа и православной церкви, отвергнутой как символ царизма после революции, в результате Великой Отечественной войны окончательно возвратил еще не забытые нравственные принципы. Идея «человека нового типа» была свернута «сверху», причин тому две: 1) личное неприятие многих принципов И. Сталиным; 2) сами принципы еще не успели прижиться, потому встретили массовое сопротивление в народной среде. Необходимость прислушаться к народному мнению возникает в период героического подвига советского народа на фронтах и в тылу.

Советский народ начинает превращаться в то, что американский историк Д. Хоскинг назовет как «серая, безликая и инертная масса, марширующая ровными рядами мимо Мавзолея на Красной площади...»⁴¹.

Со смертью «вождя народов» в 1953 году и развенчанием культа личности на XX съезде, а также арестом многих соратников И. Сталина начинается «оттепель», характеризующая первый этап хрущевского правления.

⁴¹ Хоскинг Д. История Советского Союза. 1917–1991. М., 1994. С. 7.

Однако вскоре «оттепель» сворачивается, что демонстрирует бо-язнь представителей власти новой революции. Преемник Н. С. Хру-щева – Л. И. Брежнев вновь возвратит старый образ «Сталина-побе-дителя» в народном сознании. Диалектическое накопление данного периода показательно в так называемой геронтократии, т. е. власти стариков.

Советский Союз – «закрытое» государство, а его внутренняя идеология культивирует в сознании масс образ передового социа-листического общества, что доказывалось огромными успехами в науке. Именно информационная закрытость советского государства некоторое время спасала от очередной социальной революции. Но ей суждено будет произойти с приходом к власти М. С. Горбачева и объявления курса на «перестройку, демократизацию и гласность». Накопленная энергия выльется в неконтролируемый поток негодо-вания и перестройки советской модели общества, что закончится крахом социалистического государства.

Молодой и энергичный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, так же как и Николай II в свое время, пытается провести демокра-тическое преобразование общества, однако время данных реформ было упущено. Резкое реформирование общества выйдет из-под контроля власти и закончится подписанием указа о приостановле-нии деятельности коммунистической партии и соглашениями в Бе-ловежской Пуще. Распад Советского государства и создание Содру-жества Независимых Государств было процессом неизбежным уже при Брежневе, Горбачев лишь ускорил этот процесс.

3.6. Пятый этап – от распада советского государства до наших дней

Данный этап характеризуется резким реформированием об-щества в духе второй половины 80-х – 90-х годов XX века и новым этапом накопления в связи с приходом к власти В. В. Путина, ук-репления значения политической партии «Единая Россия» и воз-

вышения роли реанимированной Русской Православной Церкви в народном сознании.

Как большевики в 1917 году, так и демократы в период пере-стройки сумели наиболее качественно предугадать настроения об-щественности, что и обеспечило их приход к власти. В своей книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира» М. С. Горбачев отмечает главный источник успеха в осуществлении демократизации общества – самодеятельность и творчество масс, активное участие самых широких слоев трудящихся в преобразова-ниях⁴². Именно народ выступает в качестве строителя новой эпохи.

Однако последующие проблемы, носящие преимущественно экономический характер, спровоцировали полный провал реформ. Рост инфляции, провал политики ваучеризации, провал «шоковой терапии» и недостаток внимания властей к самым необходимым хозяйственным потребностям родили недоверие к демократам. Б. Н. Ельцин, бывший «героем» в начале 90-х годов XX века, теряет свой авторитет в обществе и в новогоднюю ночь 2000 года сообща-ет россиянам о своей отставке.

Изменилось государство, изменилась форма экономической и общественной жизни, но ментальность осталась прежней, совет-ской. Вера в «сильную руку правителя» превосходит веру в собс-твенные силы. Потому приход новой яркой фигуры к аппарату уп-равления был неминуем. Такой фигурой стал В. В. Путин.

Сумев грамотно использовать экономическую платформу де-мократов, он предстал в народном сознании как «человек дела», а укрепление позиций единой партии власти и РПЦ, невозбранно поддерживающей государство во всех его начинаниях, благотворно влияет на наиболее активную часть избирателей.

Российская демократия сменяется новым этапом диалектиче-ского накапливания. В 2010-е годы мы наблюдаем некоторую ус-талость от В. В. Путина в связи с разочарованием в результатах его

⁴² Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1988. С. 41.

деятельности. В будущем, по нашему мнению, это приведет к новой социальной революции. Если государство сумеет вовремя отреагировать на изменения в обществе, то революция пройдет «сверху», если властные консервативные принципы вновь выйдут на первый план, то революция пройдет «снизу», но кто будет ее проводником – покажет время.

В 2011 году ведущие актеры и правозащитники в открытом письме Президенту Д. А. Медведеву указали на «паралич президентства» и объяснили необходимость социальных преобразований. Однако Кремль данное письмо комментировать отказался.

Безусловно, необходимость реформ есть не только способ удержания власти, но и насущная необходимость развивающегося государства.

3.7. Особенности развития окраин государства

Когда мы говорим о российской истории, чаще всего имеем в виду ее черноземную европейскую часть, однако окраины империи имели множество специфических особенностей своего развития. Считаем нужным отобразить некоторые из них на примере выбранных окраин.

Сибирь. Огромные пространства Сибири и Дальнего Востока долгое время не были полноценно освоены. Являясь составной частью Сибирского ханства, эта земля, однако, до русской колонизации оставалась островком, не тронутым цивилизацией. На Руси ходили мифы о необычных существах, живущих за Уралом.

Русская колонизация носила в основном мирный характер. Начало ей положил поход Ермака (1581–1582), а наиболее широко Сибирь начинают осваивать в XVII веке. Хотя доподлинно известно, что еще в XIV веке русские боевые суда плавали в устье Оби.

Колонизация Сибири имела две составляющих – как правительственная и как вольно-народная колонизации. Первая, безусловно, была ведущей. Уже в середине XVII века казачий атаман Ерофей Хабаров достиг берегов Амура – русские поселения появляются в

Приамурье, на побережье Охотского моря, на Чукотке. В 1648 году Семен Дежнев проходит из устья реки Колымы в устье реки Анадырь и открывает пролив между Азией и Америкой.

Значение присоединения Сибири было огромным, поскольку открывало возможности для пограничной торговли с восточными странами. В частности, в 1689 году в результате заключения Нерчинского договора Россия сближается с Китаем.

С целью закрепления территориальных приращений российское правительство строит множество острогов на Сибирской земле, в будущем многие из них станут крупнейшими городами этого региона. 1586 год – Тюменский острог, 1587 – Тобольский, 1604 – Томский, 1618 – Кузнецкий, 1716 год – Омский и многие другие.

Главным источником пополнения сибирского населения станет ссылка. Именно сюда будет сослан А. Д. Меншиков – соратник Петра (в г. Березов), декабристы и политические ссыльные, что во многом предопределило характер развития данной окраины, ее более «свободный» характер в отличие от Европейской России.

Наиболее актуальной проблемой царского правительства будет являться организация грамотного управления Сибири. Еще 29 декабря 1708 года в ходе областной реформы Петра I создана Сибирская губерния с центром в Тобольске, однако первым губернатором, решившимся управлять Сибирью не из центра, а навести порядок на месте, покончив с бесконечным казнокрадством сибирских чиновников, станет М. М. Сперанский, комиссия которого выявила более тысячи замечаний.

Против восприятия Сибири центральным правительством как источника полезных ископаемых и места ссылки политических осужденных впервые заявили областники Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шапков, впервые высказавшись о несоответствии значения Сибири для страны ее современному статусу. В частности, к середине XIX века в Сибири было всего три средних образовательных учебных заведения – мужские гимназии в Тобольске и Томске, а также женская четырехклассная гимназия в Кургане. Пер-

вое высшее учебное заведение за Уралом откроется в Томске лишь в 1888 году.

Низкий уровень образования и культуры вызывал недовольство со стороны местной интеллигенции. Областники неоднократно выступали с предложением отсоединения Сибири от основной России, за что и были осуждены по знаменитому «Делу о сибирских сепаратистах». Первая и очень яркая иллюстрация их идей – знаменитая прокламация «Патриотам Сибири».

Более динамичное развитие характеризует Сибирь в начале XX века. Сначала Столыпинская аграрная реформа, направленная на создание слоя «кулаков» в Сибири ввиду дефицита земель в Европейской России, а также с целью более плотного заселения огромных сибирских пространств, строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, значительно способствующей сообщению между Европейской и Азиатской Россией, строительство и индустриальная капитализация административных центров, а также увеличение количества учебных учреждений и формирование сибирской интеллигенции ускорили эти процессы.

Более высокий уровень жизни жителей Сибири способствовал, скорее, негативному восприятию событий 1917 года. Неслучайно именно Сибирь станет центром Белого движения. Изначально Омск, а потом Иркутск будут центрами колчаковского движения.

Таким образом, имперская Сибирь имеет несколько особенностей развития в сравнении с Европейской Россией: 1) длительное промышленное и социокультурное отставание; несмотря на повышение динамики развития Сибири в начале XX века, она по-прежнему по многим параметрам оставалась отсталым регионом; 2) прямое использование Сибири как источника полезных ископаемых, «золотой жилы» императорского правительства, что и вызвало недовольство со стороны немногочисленной сибирской интеллигенции – движения областничества; 3) относительно мирная колонизация русскими Сибирского региона и соседство с коренными народами; 4) чуть более высокий уровень жизни сибиряков – обширные незаселенные

пространства разрешали вопрос с недостатком земель, актуальным для Европейской России; 5) длительное время Сибирь оставалась местом ссылки политических (и не только) преступников, что помимо вполне понятной негативной роли сыграло и положительное значение. Сибиряк – более свободный человек не только ввиду «власти пространств» над ним, но и под влиянием идей ссыльных сформировалась данная ментальная особенность; 6) низкая эффективность местного управления и произвол местной власти.

Век двадцатый во многом изменит некоторые принципы. Активно проводимая И. В. Сталиным политика индустриализации способствует заселению Сибири специалистами со всего советского государства. Динамично развивается угольная промышленность в Кузнецком угольном бассейне. Большевики, изначально заявив о создании автономной индустриальной колонии «Кузбасс», вызвали интерес у многих европейских инженеров-энтузиастов, однако вскоре данный проект был свернут. Сибирь становится местом размещения ГУЛАГов, чем продолжится прежняя имперская политика ассоциации Сибири как места ссылки каторжан.

Особое значение для развития промышленности Сибири сыграла Великая Отечественная война. Огромное множество предприятий было эвакуировано из европейских областей СССР в более безопасную Сибирь. По сей день Сибирь является крупнейшим промышленным центром России во многом благодаря событиям 1941–1945 годов. Однако если в 50–60-е годы основное внимание было сосредоточено на Западной Сибири, то 70-е годы характеризуются переносом его на Восточную Сибирь. Знаменитая всесоюзная стройка ГРЭС – одно из ярких тому свидетельств. Вообще, вторая половина XX века характеризуется сведением на нет тех специфических сибирских черт, которые отмечались изначально, но по сей день актуальны демографические проблемы. Незаселенность огромных сибирских пространств и миграция населения в Европейскую Россию – одна из наиболее актуальных правительственных проблем в наши дни.

Княжество Финляндское. После очередной победы русских над шведами в войне 1808–1809 годов Финляндия и ряд территорий вошли в «в собственность и державное обладание империи Российской» согласно условиям Фридрихсгамского мира. Александр I сохранил финскую конституцию и общий общественный порядок. В свою очередь финское правительство принесло присягу российскому императору. Княжество Финляндское получило широкие экономические и политические привилегии, по сути являя собой автономную область, признававшую верховенство императорской власти.

Рост национального самосознания финнов в середине XIX века вызвал несколько неодобрительную оценку со стороны Петербурга и ускорил внедрение в жизнь политики русификации Финляндии при Александре III и его сыне Николае II. Манифестом 20 июня 1900 года был введён русский язык в делопроизводство сената и местных главных управлений. Временные правила 2 июля 1900 года поставили общественные собрания под непосредственный контроль генерал-губернатора (на тот момент знаменитого Н. И. Бобрिकова, который был убит летом 1904 года за проводимую насильственную политику).

В результате ужесточения имперской политики в окраине намечается значительный рост революционного движения в период с 1905 по 1917 год, приведший сначала к введению военного управления в Финляндии (ставленников императора), а в июле 1917 года финский сейм попытался восстановить автономные права, 6 декабря 1917 года Финляндия провозгласила свою независимость. Финляндия перестала считаться российской территорией.

Период гражданской войны известен в России поддержкой Белого движения со стороны Финляндии.

Царство Польское. Польша длительный период представляла серьезную военную угрозу для России. Окончательно удалось ее сломить только при Екатерине II. Известно три раздела Речи Посполитой – 1772, 1793 и 1795 годы.

На Венском конгрессе 1815 года Польша была разделена вновь между Австрией, Пруссией и Россией. В том же году Польша получила свою Конституцию, связавшую ее с Россией личной унией. Однако в результате восстания 1830 года, вызванного недовольством императорской политикой, Николай I отменяет польскую конституцию и распространяет в этой окраине всероссийский полицейский режим. Позже, уже при Александре II, по причине многочисленных оппозиционных политических выступлений в 1863 году в Польше устанавливается военный режим управления.

Антироссийские настроения в Польше значительно возросли в период революционных потрясений 1905–1917 годов. Отношения между Польшей и Россией оставались по-прежнему крайне напряженными.

Выдвинутая эпохой социалистическая партия Пилсудского решила вопрос с Японией о выступлении польских легионов против России в войне 1904–1905 годов. Развернутая ими террористическая деятельность, направленная против признаков российской государственности в Польше, являла собой столь любимую полякам картину «Польского освобождения и польской независимости».

Сразу после вступления России в Первую мировую войну главнокомандующий великий князь Николай Николаевич издал манифест, обещавший объединение польских земель, «свободных в своей вере, языке и самоуправлении». Было вполне очевидно, что польский вопрос неизбежно станет одним из ключевых в столкновении Германии, Австро-Венгрии и России⁴³.

Национальная политика поляков носила более агрессивный характер в сравнении с Финляндией. Стремление восстановить утраченную конституцию стало ключевой составляющей в польской политической жизни.

В 1915 году территория российской Польши была оккупирована Германией и Австро-Венгрией, где чуть позже было образовано

⁴³ Западные окраины Российской империи. М., 2007. С. 413.

автономное Королевство Польское. Польша перестала считаться российской территорией.

Северный Кавказ. Невероятно сложной является оценка роли Российского государства в кавказском регионе. Длительное время отечественное кавказоведение уступало ряду «приоритетных» направлений, а зарубежная оценка роли России как «узурпатора и колонизатора» Кавказа научно несостоятельна и терпит фиаско при более тщательном рассмотрении источниковой базы, характеризующей своеобразие этого региона.

Распространение российского влияния на Кавказ связано с деятельностью Петра I, в частности, его знаменитый Каспийский поход 1722–1723 годов. Уже к концу XVIII столетия Северный Кавказ втягивается в круг проблем мировой политики, где сосредоточились интересы России, Ирана, Османской империи и западных держав.

Политика вовлечения Кавказа в зону российской внешней политики продолжится и в XIX веке. В 1817 году начинается очередная Кавказская война, руководителем которой становится генерал Ермолов. Спустя три года, с захватом Ермоловым Кази-Кумуха в 1820 году, Дагестан полностью входит в состав Российской империи. Однако сама война затянется до 1864 года. Горделивый дух горцев будет бороться за национальную самостоятельность, несмотря на крайне невысокий уровень развития материальной культуры.

Николай I после визита на Кавказ в 1837 году принял решение о создании особого Кавказского комитета в Петербурге и кавказского наместника в Тифлисе. Первым наместником станет граф М. С. Воронцов. Значительно позднее, при Александре II, права наместника будут существенно расширены, по сути, скопировав центральный аппарат управления⁴⁴.

В период контрреформ аппарат кавказского наместничества был упразднен. Наместника заменил главноначальствующий гражд-

данской частью на Кавказе. Режим военно-народного управления просуществует до 1917 года.

Но все же особое внимание хочется уделить культурному развитию Кавказа и роли России в этом процессе. Специфические черты сводятся к следующему: во-первых, российское правительство вело целенаправленную политику по формированию среди горцев имперской идентичности и самосознания⁴⁵, но преимущественно через светское образование и просветительскую деятельность, что в свою очередь спровоцировало горцев на создание своих мечетных начальных и средних школ – мектебе и медресе. Во-вторых, ведущей задачей образовательной политики становится русификация населения, обе волны которой (при министре народного просвещения Д. А. Толстом и в начале XX в.) были, по сути, неудачны. Мусульманская элита крайне настороженно относилась к данной правительственной инициативе. В-третьих, начало промышленного освоения Кавказа, начатого проложением железной дороги в конце XIX века, особенно ярко проявилось в период советской власти. В 1921 году в составе РСФСР была образована Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика. С 1927 года в Дагестане началось радиовещание и строительство первого аэродрома. В 1931 году был учрежден Дагестанский государственный университет.

Вклад российского правительства в развитие Кавказа несоизмеримо выше той отдачи, которую получает Россия. Исключительно благодаря российской экспансии современный Кавказ являет собой развитый экономический, промышленный и культурный центр.

Таким образом, мы показали, насколько сильно разнится отношение Российской империи к собственным окраинам. От отношения колония – метрополия (с определенной долей условности) в Сибири до полноценного развития промышленного и культурного потенциала региона – Северного Кавказа. От практически полной автономии в Финляндии до военного управления в Польше.

⁴⁴ Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 189.

⁴⁵ Там же. С. 269.

XX век постарается стереть эти различия путем создания сильного государства с единой государственной идеологией и «единой советской нацией», но удалось совершить лишь небольшую часть, и то в основном в районах, где преобладание русскоязычного населения было подавляющим.

Вся беда России в том, что она слишком большая. Специфические региональные особенности требовали сосредоточения большого внимания на них, часто в ущерб Центральной России.

Российская история в ее перспективе

«Диалектическое накопление» характеризует практически всю сознательную историю русского государства, периоды различны по времени, но имеют множество общих черт. Главная из которых — структура этапа. Начало его всегда связано с социальной революцией, кардинальными переменами в обществе, либо в результате реформ государственной власти, либо в результате переворота и свержения государственной власти, но революционный порыв сменяется сначала реформированием в духе целей революции, т. е. удовлетворением народных требований, а затем новой стадией «накапливания» и потерей диалога народа и власти.

Российский консерватизм играет со страной злую шутку: мессианское начало может порождать безразличие к материальным объектам, отвод взгляда от насущных проблем наших дней. Глядя в день завтрашний, мы забываем о дне сегодняшнем.

Целостность может препятствовать развитию индивидуального начала. Долгое время, культивируя образ единой народности, власти сознательно заглушали значимость индивидуального перед общественным, меньшинства перед большинством, что может являть торможение творческого развития отдельной личности.

Принцип справедливости, особенно в экономике или общинном хозяйстве, сдерживает дух индивидуального предпринимательства. Идеи Нового времени были восприняты Россией исключительно с «восточных позиций». Снижалась определенная доля авантюризма и эгоизма, необходимая для индивидуального предпринимательства, рассматривалась как нечто «грешное» и «нестественное».

Помимо этого, консерватизм может проявлять себя и в науке, что наиболее опасно. Отказ от технических и социальных инноваций приводит к очередному «накоплению» и дальнейшему выплеску накопленного в форме социальной революции. Расширение влияния религии в этой сфере абсолютно неприемлемо.

Излишняя жертвенность приводит к пассивности, к «женственности» русской души, а созерцательность может превращаться в лень — тоже одну из черт русского народа.

Ценность державности порождает чрезмерное раболепие и покорность перед властью. Народ лишь тогда заявляет о себе, когда его положение становится нетерпимым, но этому долгое время предшествует «накапливание». Русский человек будет возмущаться, но терпеть!

Вряд ли данным культурно-историческим типом стоит гордиться. Изменения в народной ментальности, в отношении к власти крайне необходимы для дальнейшего планомерного развития России. Без диалога народа и власти, без прогрессивных демократических реформ, невозможно формирование развитого государства современного социального типа.

Народ — понятие многогранное, основная задача власти — уметь находить консенсус между различными его слоями, между большинством и меньшинством, уметь обходить наиболее «краеугольные» столпы, разрешая при этом важнейшие политические задачи.

Социальность государства — основной залог его стабильности, а преодоление больного российского консерватизма (возможно, по пути социальности и демократизации) — главная задача русского народа и его представителей. Россия никогда не будет единой страной, поскольку сочетает в себе великое множество культурных архетипов, так же как никогда не будет единой нации на ее территории, но общность народных задач (подчеркнем, что их должно быть несколько) должна объединять всех людей: старых и молодых, либералов и консерваторов. Нельзя создавать новый идол, российская история имеет такой негативный опыт, важно поддерживать диалог

народа и власти, важно сделать власть прозрачной перед народом, важно уважать принципы демократического общества, возможно, именно тогда российская специфика сможет сыграть в положительном ключе машины отечественного исторического развития.

К вопросу о роли религии в современном российском обществе

Один из самых сложных вопросов для научного анализа, по определению подверженный субъективизму, это вопрос о том, какую роль играет религия в современном обществе и каково будущее общества в связи с этим. Зачастую именно принадлежность к какой-либо конфессии (равно как и воинствующий атеизм) мешают бескомпромиссно подойти к решению данного вопроса.

Религия и наука априори противостоят друг другу, ибо по-разному могут трактовать понятие «истины» и иначе видеть цель и предназначение истории, а значит, и жизни. Однако это вовсе не значит, что ученый мир полностью отвергает религию. Религиозность ученых часто носит выборочный характер, но подобное принятие веры неприемлемо для клерикалов. Отсюда вытекает дисбаланс между константой (религией) и переменной (наукой), между неизменяемым (ибо отход от первоначального учения есть не что иное, как ересь) и постоянно развивающимся институтами.

Принятие Русью православной веры являло собой факт более политический, ибо сближало молодое российское государство со своим могущественным южным соседом — Восточной Римской империей. Помимо того, христианство способствовало и резкому повышению уровня социокультурного развития Руси, дав толчок к развитию образования, культуры и искусства.

Но если для средневекового государства данная религиозная реформа носила крайне прогрессивный характер, то современная ее роль в российском обществе заметно отличается. Изменилась не только общественная картина, поменялась и динамика ее изменения. Религии зачастую все сложнее отвечать на вопросы, которые

ставит перед ней общественный прогресс. Выход, по сути, один — отстраниться от политической сферы, оставив вопрос о религиозной принадлежности на личное решение, личный выбор. Однако российская ситуация несколько иная.

Либеральная власть не привнесла новой либеральной идеологии, партия «здорового консерватизма» постаралась решить этот вопрос путем расширения влияния православной церкви на общество. В итоге за двадцать лет существования Новой России Русская Православная Церковь превратилась из института возрождающегося в сильный аппарат социального давления. Союз государства (в узком политическом смысле) и церкви оказался выгоден и одной и другой стороне. Религия дисциплинирует человека, а таким, как известно, проще управлять, но можно ли оценивать религию только как политическое обрамление существующей власти?! Конечно, нет.

Чрезмерное обеление роли Русской Православной Церкви, столь характерное для русского славянофильства, равно как и ее очернение марксистской литературой, довольно далеко от реальной картины роли данного института.

Православие, как известно, не являлось государствообразующей религией, но ее влияние на русскую историю долгое время было крайне высоким, а порой и решающим. Однако это вовсе не дает основание для превращения Русской Православной Церкви в идеологический институт современности.

Для славянофильской философии свойственно отождествление понятий «русская цивилизация» и «православная цивилизация», а также чрезмерное обеление и книжная христианизация российской цивилизации. И. Л. Солоневич восклицает: «Российская государственность развивалась органически, не зная ни инквизиции, ни рабства, ни религиозных войн, в процессе непрерывного территориального и географического расширения. При этом был найден «детски простой секрет» мирного сожительства полутора ста народов и племен под единой государственной крышей — это секрет

социальной справедливости»⁴⁶. Он же продолжает: «Православие не организовывало инквизиции, никогда не сжигало ведьм и еретиков. В православной России не употреблялись индульгенции: «Идея взятки Господу Богу Руси была и осталась чужда... Православие почти никогда не пыталось утверждаться и распространяться насильем... Православие несло и несёт в мир то искание Божией Правды на грешной земле, которое так характерно для всей русской литературы, для всех преданий и былин русской истории, для всего народа вообще»⁴⁷.

Даже не будучи профессиональным историком, можно понять, что описываемая картина была весьма далека от реальной. Достаточно привести примеры крещения Новгорода Добрыней «огнем и мечом», а также преследования русской церковью так называемых еретиков-стригольников — первых русских религиозных рационалистов, пытавшихся отвергнуть церковные догматы, не выдерживающие критики с позиций разума, т. е. по сути выступивших с позиций раннего протестантизма. Новгородские стригольники были казнены около 1375 года. Или знаменитая ересь «жидовствующих», якобы отвергавших Святую Троицу, церковным собором 1504 года осужденных на смерть. Знаменитые преследования раскольников, выступивших категорически против церковных реформ патриарха Никона и вынужденных бежать в непроходимую тайгу, спасаясь от церковной инквизиции.

И в новейшее время внутри Русской Православной Церкви выделяется ряд еретических учений. К примеру, толстовство или ересь экуменизма, связывающая воедино в служениях молитвы православных и инославных. Большое распространение в наши дни получило и неоязычество, которое патриарх Алексей II сравнил с терроризмом⁴⁸.

⁴⁶ Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 1991. С. 123.

⁴⁷ Там же. С. 389.

⁴⁸ Алексей Второй сравнил терроризм с новым язычеством // <http://ria.ru/society/20041003/697562.html>.

Православная церковь крайне консервативна и всячески старается оставаться верной учению, но именно это мешает ей распространять свое влияние, особенно среди молодежи. А знаменитые попытки возрождения преподавания «Закона Божия» в средних образовательных учреждениях встретили огромное сопротивление со стороны ученого мира. Здесь достаточно привести знаменитое «Письмо десяти академиков», где выдающиеся ученые нашей страны указывали на нарушение понятия «светское государство», отмеченное Конституцией, и призывали руководство страны не допустить распространения религии во властные структуры и образование.

История знает много примеров, когда религия выступала как сдерживающий фактор прогресса, причем не только научного, но и общественного. Потому расширение ее влияния на власть может обернуться тормозящим фактором развития общества.

В качестве одного из таких примеров, когда религия затмевает глаза ученому-мыслителю, можно привести слова В. В. Розанова: «Христианская религия есть своего рода нравственный закон, которым следует руководствоваться в жизни и который нельзя связывать с наукой, ибо «каковы бы ни были наши знания, Нагорная проповедь Спасителя останется вечною правдою, к которой мы не перестаем прибегать, пока не перестанем чувствовать горе и унижение, пока останемся людьми»⁴⁹. Спор здесь поистине бесполезен!

Расширение влияния церкви на государство крайне опасно, и зачастую в современном мире религия выступает в качестве главного тормоза общественного развития и демократизации общества⁵⁰.

⁴⁹ Розанов В. В. Место христианства в истории // Собр. соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 45–46.

⁵⁰ Демократизация общества также лишь отчасти воспринимается РПЦ. В частности, вопрос эмансипации женщин или равноправия сексуальных меньшинств они ставят в один ряд с пороком и греховностью, против чего, разумеется, выступают.

Возможна ли в России демократия?

Возможна ли демократия в современной России? Если да, то почему ее нет? Если нет, тогда к чему вся маскировка и «гримаса» демократического государства?! Только лишь для экономического союза с Европой?!

Не только от философов, но и от множества журналистов и писателей-публицистов приходится слышать о неминуемом «закате Европы». Об этом еще сотню лет назад писал Н. Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа», Н. А. Бердяев в «Судьбе России» и О. Шпенглер в «Закате Европы», К. Леонтьев и многие другие. Причем главная причина «заката» видится в нравственной деградации, требованиях (и не иначе) «хлеба и зрелищ», проводя тем самым параллели с закатом западной Римской империи.

Однако Европа по-прежнему существует, экономическое и военное пространство ее расширяется, а выдвижение на первый план американской цивилизации, полностью возвращенной европейцами, вовсе не предвещает смены цикла, историко-культурного пласта, а, скорее, говорит о продолжении расцвета.

Ввиду этого закономерен вопрос в отношении «уникального Востоко-Запада» (бердяевская терминология) – возможно ли гармоничное слияние восточной духовности с западным уровнем социальной защиты населения и создания «государства всеобщего благосостояния»?! Возможно ли демократическое, развитое экономически государство, но при этом с высоким уровнем духовности населения в XXI веке? Вопрос, безусловно, дискуссионный. И часто личный субъективизм автора, вызванный его религиозными убеждениями, не позволяет трезво проанализировать вопрос. А надо бы!

Столкновение двух типов мышления, к тому же противоположных – сциентического западного и теологического восточного, неизбежно приводит к борьбе. И для России, до сталинской индустриализации бывшей преимущественно аграрной страной, второй тип, безусловно, ближе! Крестьяне, из года в год занимаясь пашенным земледелием, по составленным «отцами и пращурами» календарям, восхищались мудростью предков, воспевая их имена в фольклоре. Позже эти же традиции были перенесены и на более высокое искусство. Более того, православие долгое время рассматривалось как форма государственной идеологии. Союз этот оказался крайне выгоден и одной и другой стороне, но все же русский народ как вершитель русской истории прогрессирует, потому успеваешь устареть и идеологическая составляющая государства, в первую очередь на социальную сферу и направленная.

Все изменения, столь характерные для западной постиндустриальной динамики, воспринимались в России зачастую негативно, с опаской. Советское государство не сумело изменить тип мышления, просто создав новые «ширмы» для старого облачения. Хотя советское руководство и не особо к тому стремилось, довольно быстро свернув свои программы «человека нового типа – советского гражданина» в 20-е годы и после ни разу к ним не возвратившись.

Более того, путем создания «пролетарской интеллигенции» коммунистическое правительство сознательно «выбивало» значение понятия «элитарность», пытаясь сделать его даже нарицательным. Как известно, В. И. Ленин весьма дурно отзывался о буржуазной интеллигенции. В письмах М. Горькому он называет интеллигенцию «не мозгом нации, а г...», обвиняя ее не в служении народу, а в «прислуживании капиталу». Но в свою очередь аналогичные, отмеченные В. И. Лениным, «проблемы» проявились и при советской власти, когда интеллигенция была обязана (!) служить призрачному царству коммунизма. Плюрализм мыслей как на бытовом, так и на научном уровне отрицается, уступив место советскому пониманию

марксизма. «Мода на элитарность» – символ разлагающегося буржуазного мира, в Советах ей не место!

Если Восток уравнивается своей духовной культурой, а Запад – культурой материальной, то Россия стоит на стыке двух исторических типов, имея сторонников как одного, так и другого варианта. Именно этим объясняется борьба в современной России «большинства» и «меньшинства», раскол внутри общества (в терминологии А. С. Ахиезера). Представители власти вынуждены (и не иначе) отслеживать общественную динамику. Отсутствие диалога народа и власти, перерастание «меньшинств» в «большинство» способствует новой социальной революции, но революции не спонтанной, ей предшествует длительная стадия «диалектического накопления».

Таким образом, путь к демократизации и западнизации один – изменение общественного сознания. Но путь этот крайне долгий, сложный и скурпулезный, начало свое он должен брать со школьных учебников, но в полностью светском (!) образовании. Большевики не сумели довести начатое до конца, Правым силам 90-х годов XX века не позволило время и отсутствие новой либеральной идеологии, возможно, в наших силах изменить страну к лучшему!

Однако история наглядно показывает нам, что подобные изменения происходят в России только в результате социальных революций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексий Второй сравнил терроризм с новым язычеством // <http://ria.ru/society/20041003/697562.html>.
- Анисимов Е. В. Время петровских реформ / Е. В. Анисимов. – Л.: Лениздат, 1989.
- Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта: в 2 т. Т. 1. От прошлого к будущему / А. С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
- Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта: в 2 т. / А. С. Ахиезер. Т. 2. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
- Бенкендорф А. Х. Мемуары / А. Х. Бенкендорф // <http://dugward.ru/library/benkendorf.html>.
- Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев // Философия свободы. М.: АСТ, 2007.
- Беседин Б. П. Карма истории: теория социальных катастроф / Б. П. Беседин. – М.: АСТ, 2005.
- Буганов В. И. Мир истории. Россия в XVII столетии / В. И. Буганов. – М.: Молодая Гвардия, 1984.
- Вернадский Г. В. Начертание русской истории / Г. В. Вернадский. – М.: Алгоритм, 2008.
- Верт Н. История Советского государства / Н. Верт. – М.: Прогресс, 1992.
- Гомосексуализм в советское время // <http://bizon2000.narod.ru/simple01.html>.
- Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира / М. С. Горбачев. – М.: Издательство политической литературы, 1988.
- Греков Б. Д. О роли варягов в истории Руси / Б. Д. Греков // Новое время. – 1947. – № 30.
- Греков Б. Д. Киевская Русь / Б. Д. Греков – М.: АСТ, 2004.
- Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь / Л. Н. Гумилев. – М.: Мысль, 1993.
- Гумилев Л. Н. От Руси к России / Л. Н. Гумилев. – М.: АСТ, 2004.
- Даль И. Б. Иван Грозный / И. Б. Даль. – М.: АСТ-Пресс, 2004.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991.
- Дугин А. Г. Абсолютная Родина / А. Г. Дугин. – М.: АРТОГЕЯ-ЦЕНТР, 1999.
- Дугин А. Г. Обществоведение для граждан новой России / А. Г. Дугин. – М.: Евразийское движение, 2007.

Западные окраины Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Из послания инок Филофея Великому князю Василию // Русская историософия. Антология. – М.: Росспен, 2006.

Ильин В. В. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы / В. В. Ильин, А. С. Ахиезер. – М.: Изд-во МГУ, 1997.

Казаков Е. Ф. Исторический процесс как система / Е. Ф. Казаков. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992.

Кобрин В. Б. Иван Грозный / В. Б. Кобрин // http://vivovoco.rsl.ru/vv/books/grozny/grozny_2.htm.

Ключевский В. О. Сочинения / В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1989.

Кюстин А. Николаевская Россия / А. Кюстин. – М.: Издательство политической литературы, 1990.

Лаппо Г. Н. Территориальная структура России в начале XXI века / Г. Н. Лаппо // <http://geo.1september.ru/2002/33/4.htm>.

Леонтьев К. Н. Византизм и славянство / К. Н. Леонтьев // Поздняя осень России. – М.: Аграф, 2000.

Меньшиков М. О. Из писем к ближним / М. О. Меньшиков. – М.: Военное издательство, 1991.

Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия / С. В. Мироненко. – М.: Мысль, 1990.

Новикова Л. И. Очерк русской философии истории / Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская // Русская историософия. Антология. – М.: Росспен, 2006.

Павленко Н. И. Елизавета Петровна / Н. И. Павленко. – М.: АСТ, 2007.

Павленко Н. И. Петр Великий / Н. И. Павленко. – М.: Мысль, 1994.

Повесть временных лет // Сказания русских летописей. – М.: Просвещение, 1989.

Прокофьева Г. П. Становление категории «Цивилизация» как универсальной единицы анализа исторического процесса: дис. ... канд. философ. наук / Г. П. Прокопьева. – Хабаровск, 2001.

Прошин Г. В. Второе крещение / Г. В. Прошин // Как была крещена Русь. – М.: Издательство политической литературы, 1988.

Раскольников Ф. Открытое письмо Сталину / Ф. Раскольников // Смена. – 1988. – 5 мая.

Речь И. С. Аксакова на открытии памятника А. С. Пушкину в Москве 6–8 июня 1880 г. / И. С. Аксаков // Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. – М.: Просвещение, 1999.

Розанов В. В. Место христианства в истории / В. В. Розанов // Собр. соч.: в 2 т. – М.: Ленииздат, 1990. – Т. 1.

Россия. История XIX века. – М.: Новь, 1998.

Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1963.

Рыбаков Б. А. Мир истории. Начальные века русской истории / Б. А. Рыбаков. – М.: Молодая гвардия, 1984.

Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Сибирь в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Скрынников Р. Г. Борис Годунов / Р. Г. Скрынников. – М.: Наука, 1983.

Скрынников Р. Г. Начало опричнины / Р. Г. Скрынников. – Л.: Издательство ЛГУ, 1966.

Скрынников Р. Г. Россия накануне смутного времени / Р. Г. Скрынников. – М.: Мысль, 1981.

Советская Россия. – 2003. – № 134 (12477). – 29 нояб.

Солоневич И. Л. Народная монархия / И. Л. Солоневич. – М.: Феникс, 1991.

Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: Философия и литература / Ю. И. Сохряков; отв. ред. О. Платонов. – М.: Славянофил, 2010.

Сыров В. Н. Введение в философию истории: своеобразие исторической мысли / В. Н. Сыров. – М.: Водолей Publishers, 2006.

Толстой Л. Н. Сочинения / Л. Н. Толстой. – М.: Художественная литература, 1984.

Толстой Л. Н. Патриотизм и правительство / Л. Н. Толстой // Дело Труда – Пробуждение. – 1953. – № 43. – С. 11.

Троцкий Е. С. Русская цивилизация / Е. С. Троцкий, В. С. Калашников // Философия. Курс лекций. – М.: Владос, 2006.

Философия истории: учебное пособие / под ред. А. С. Панарина. – М., 2001.

Хоскинг Д. История Советского Союза: 1917–1991 / Д. Хоскинг. – М.: Вагриус, 1994.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Из послания инок Филофея
Великому князю Василию⁵¹

Даже от высшей и от всемогущей, все в себе содержащей де-
сницы божьей, которой цари царствуют и которой великие славятся
и могучие возвещают праведность твою, пресветлейшего и высо-
копрестольного государя великого князя, православного владыки
всех, браздодержателя святых божьих престолов, святой вселенской
соборной апостольской церкви пречистой Богородицы, честного и
славного ее Успения, который вместо римского и константинополь-
ского владык воссиял. Ибо старого Рима церковь пала по неверию
ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинова-града, цер-
ковные двери внуки агорян секирами и оскордами рассекли. И вот
теперь третьего, нового Рима, державного твоего царства святая
соборная апостольская церковь во всех концах Вселенной в пра-
вославной христианской вере по всей поднебесной больше солнца
светится.

Так пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все
православные царства христианской веры сошлись в едином твоём
царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь. И следует
тебе, царь, это блюсти со страхом божьим, убойся Бога, давшего
тебе это, не надейся на золото, и богатство, и славу: все это здесь
собирается и здесь, на земле остается...

И если хорошо урядишь свое царство – будешь сыном света и
жителем горнего Иерусалима, и как выше тебе написал, так и те-
перь говорю: храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все
христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а
третий стоит, четвертому же не бывать.

1530 г.

⁵¹ Печатается по: Русская историософия. Антология. М., 2006. С. 111.

Н. А. Бердяев «О власти пространств
над русской душой»⁵²

I

Много есть загадочного в русской истории, в судьбе русско-
го народа и русского государства. Отношения между русским на-
родом, которого славянофилы прославляли народом безгосудар-
ственным, и огромным русским государством до сих пор остается
загадкой философии русской истории. Но не раз уже указывали
на то, что в судьбе России огромное значение имели факторы гео-
графические, ее положение на земле, ее необъятные простран-
ства. Географическое положение России было таково, что русский
народ принужден был к образованию огромного государства. На
русских равнинах должен был образоваться великий Востоко-
Запад, объединенное и организованное государственное целое.
Огромные пространства легко давались русскому народу, но не
легко давалась ему организация этих пространств в величайшее
в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем. На
это ушла большая часть сил русского народа. Размеры русского
государства ставили русскому народу почти непосильные задачи,
держали русский народ в непомерном напряжении. И в огром-
ном деле создания и охранения своего государства русский на-
род истощал свои силы. Требования государства слишком мало
оставляли свободного избытка сил. Вся внешняя деятельность
русского человека шла на службу государству. И это наложило
безрадостную печать на жизнь русского человека. Русские почти
не умеют радоваться. Нет у русских людей творческой игры сил.
Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъ-
ятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой не-
объятности. Оформление своей души и оформление своего твор-

⁵² Печатается по: Бердяев Н. А. Судьба России // Философия свободы. М., 2007. С. 299–305.

чества затруднено было для русского человека. Гений формы – не русский гений, он с трудом совмещается с властью пространств над душой. И русские совсем почти не знают радости формы.

Государственное овладение необъятными русскими пространствами сопровождалось страшной централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлением свободных личных и общественных сил. Всегда было слабо у русских сознание личных прав и не развита была самодеятельность классов и групп. Не легко было поддерживать величайшее в мире государство, да еще народу, не обладающему формальным организационным гением. Долгое время приходилось защищать Россию от наступавших со всех сторон врагов. Волны с Востока и Запада грозили затопить Россию. Россия пережила татарщину, пережила смутную эпоху и окончательно окрепла, выросла в государственного колосса. Но необъятные пространства России тяжелым гнетом легли на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства, и безграничность русских полей. Русская душа ушиблена ширию, она не вошла внутрь, в созерцание, в душевность, она не могла обратиться к истории, всегда связанной с оформлением, с путем, в котором обозначены границы. Формы русского государства делали русского человека бесформенным. Смирение русского человека стало его самосохранением. Отказ от исторического и культурного творчества требовался русским государством, его сторожами и хранителями. Необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, – не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни. Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть. Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их. Он слишком привык возлагать эту организацию на центральную власть, как бы трансцендентную для него. И в собственной душе чувствует он необъятность, с которой трудно

ему справиться. Широкий русский человек, широкий как русская земля, как русские поля. Славянский хаос бушует в нем. Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самодеятельности, – он расплывался в пространстве. И это было не внешней, а внутренней судьбой русского народа, ибо все внешнее есть лишь символ внутреннего. С внешней, позитивно-научной точки зрения огромные русские пространства представляются географическим фактором русской истории. Но с более глубокой, внутренней точки зрения сами эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это – география русской души.

II

В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны. Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности. Со всех сторон чувствовал себя русский человек окруженным огромными пространствами, и не страшно ему было в этих недрах России. Огромная русская земля, широкая и глубокая, всегда вывозит русского человека, спасает его. Всегда слишком возлагается он на русскую землю, на матушку Россию. Почти смешивает и отождествляет он свою мать-землю с Богородицей и полагается на ее заступничество. Над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней. Западноевропейский человек чувствует себя сдавленным малыми размерами

пространств земли и столь же малыми пространствами души. Он привык возлагаться на свою интенсивную энергию и активность. И в душе его тесно, а не просторно, все должно быть рассчитано и правильно распределено. Организованная прикрепленность всего к своему месту создает мещанство западноевропейского человека, столь всегда поражающее и отталкивающее человека русского. Это мещанские плоды европейской культуры вызывали негодование Герцена, отвращение К. Леонтьева, и для всякой характерно русской души не сладостны эти плоды.

Возьмем немца. Он чувствует себя со всех сторон сдавленным, как в мышеловке. Шири нет ни вокруг него, ни в нем самом. Он ищет спасения в своей собственной организованной энергии, в напряженной активности. Все должно быть у немца на месте, все распределено. Без самодисциплины и ответственности немец не может существовать. Всюду он видит границы и всюду ставит границы. Немец не может существовать в безграничности, ему чужда и противна славянская безбрежность. Он только с большим напряжением энергии хотел бы расширить свои границы. Немец должен презирать русского человека за то, что тот не умеет жить, устраивать жизнь, организовать жизнь, не знает ничему меры и места, не умеет достигать возможного. Русскому же противен германский пафос мещанского устройства жизни. Германец чувствует, что его не спасет Германия, он сам должен спасти Германию. Русский же думает, что не он спасет Россию, а Россия его спасет. Русский никогда не чувствует себя организатором. Он привык быть организуемым. И даже в эту страшную войну, когда русское государство в опасности, не легко русского человека довести до сознания этой опасности, пробудить в нем чувство ответственности за судьбу родины, вызвать напряжение энергии. Русский человек утешает себя тем, что за ним еще стоят необъятные пространства и спасут его, ему не очень страшно, и он не очень склонен слишком напрягать свои силы. И с трудом доходит русский человек до сознания необходимости мобилизовать всю свою энергию. Вопрос об интен-

сивной культуре, предполагающей напряженную активность, еще не делался для него вопросом жизни и судьбы. Он тонул в своих недрах и в своих пространствах. И нужно сказать, что всякой самодеятельности и активности русского человека ставились непреодолимые препятствия. Огромная, превратившаяся в самодовлеющую силу русская государственность боялась самодеятельности и активности русского человека, она слагала с русского человека бремя ответственности за судьбу России и возлагала на него службу, требовала от него смирения. Через исторический склад русской государственности сами русские пространства ограничивали всякую ответственную самодеятельность и творческую активность русского человека. И это порабощение сил русского человека и всего русского народа оправдывалось охранением и упорядочением русских пространств.

III

Требования, которые составит России мировая война, должны привести к радикальному изменению сознания русского человека и направления его воли. Он должен, наконец, освободиться от власти пространств и сам овладеть пространствами, нимало не изменяя этим русскому своеобразию, связанному с русской ширью. Это означает радикально иное отношение к государству и культуре, чем то, которое было доньше у русских людей. Государство должно стать внутренней силой русского народа, его собственной положительной мощью, его орудием, а не внешним над ним началом, не господином его. Культура же должна стать более интенсивной, активно овладевающей недрами и пространствами и разрабатывающей их русской энергией. Без такого внутреннего сдвига русский народ не может иметь будущего, не может перейти в новый фазис своего исторического бытия, поистине исторического бытия, и само русское государство подвергается опасности разложения. Если русское государство доньше хотело существовать пассивностью своего народа, то отныне оно может существовать лишь активностью народа. Пространства не

должны запугивать русский народ, они должны будить энергию, не немецкую, а русскую энергию. Безумны те, которые связывают русскую самобытность и своеобразие с технической и экономической отсталостью, с элементарностью социальных и политических форм и хотят сохранить русское обличье через сохранение пассивности русского духа. Самобытность не может быть связана со слабостью, неразвитостью, с недостатками. Самобытный тип русской души уже выработан и навеки утверждён. Русская культура и русская ответственность могут твориться лишь из глубины русской души, из ее самобытной творческой энергии. Но русская самобытность должна, наконец, проявиться не отрицательно, а положительно, в мощи, в творчестве, в свободе. Национальная самобытность не должна быть пугливой, мнительно себя охраняющей, скованной. В зрелый период исторического существования народа самобытность должна быть свободно выраженной, смелой, творящей, обращенной вперед, а не назад. Некоторые славянофильствующие и в наши горестные дни думают, что если мы, русские, станем активными в отношении к государству и культуре, овладевающими и упорядочивающими, если начнем из глубины своего духа создавать новую, свободную общественность и необходимые нам материальные орудия, если вступим на путь технического развития, то во всем будем подобными немцам и потеряем нашу самобытность. Но это есть неверие в духовную мощь русского народа. Самобытность, которая может быть сохранена лишь прикреплением ее к отсталым и элементарным материальным формам, ничего не стоит, и на ней ничего нельзя основать. Охранители всегда мало верят в то, что охраняют. Истинная же вера есть лишь у творящих, у свободных. Русская самобытная духовная энергия может создать лишь самобытную жизнь. И пора перестать запугивать русского человека огромностью государства, необъятностью пространства и держать его в рабстве. Именно тогда, когда русский человек содержался в рабстве, он был во власти неметчины, наложившей

печать на весь склад русской государственности. Освобождение русской народной энергии и направление ее к активному овладению и оформлению русских пространств будет и освобождением русского народа от немецкого рабства, будут утверждением его творческой самобытности. Нельзя полагать русскую самобытность в том, что русские должны быть рабами чужой активности, хотя бы и немецкой, в отличие от немцев, которые сами активны! Да сохранит нас Бог от такой самобытности – мы от нее погибнем! Исторический период власти пространств над душой русского народа кончается. Русский народ вступает в новый исторический период, когда он должен стать господином своих земель творцом своей судьбы.

Введение	3
Глава 1. Понятие «Философия истории» и взгляд крупнейших философов на исторический процесс	7
Глава 2. Российский исторический процесс	13
2.1. Некоторые специфические черты исторического развития России и русского народа как носителя державности	13
2.2. Понятие «Социальная революция»: характеристика, составляющие и движущие силы	19
Глава 3. Характеристика основных этапов развития российской истории	24
3.1. Подготовительный этап – от образования Киевской Руси до свержения татаро-монгольского ига (882–1480)	24
3.2. Первый этап – от свержения монгольского ига до петровских преобразований (1480–1698)	29
3.3. Второй этап – от реформ Петра Великого до перехода на капиталистическое развитие (1698–1861)	33
3.4. Третий этап – эпоха российского капитализма первой волны	39
3.5. Четвертый этап – от установления советской власти до 1991 г.	43
3.6. Пятый этап – от распада советского государства до наших дней	46
3.7. Особенности развития окраин государства	48
Заключение	57
Российская история в ее перспективе	57
К вопросу о роли религии в современном российском обществе ...	59
Эпилог. Возможна ли в России демократия?	63
Список использованной литературы	66
Приложения	69

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Клиницкий Артем Игоревич (р. 1988) – аспирант кафедры истории и культуры России Кемеровского государственного университета.

Основные сферы научных и личных интересов: История образования и социокультурного развития Сибири конца XIX– начала XX в.

Социальная философия и русская историософия. Вопросы популяризации науки.

«Именно популяризация научного знания должна стать основной задачей ученого, ни работа в узкой академической среде над теоретическими вопросами, а именно распространение знания, увеличения его практического применения».

Отзывы о книге просьба присылать на контактный e-mail автора – Kliniskiy@mail.ru.

Научно-популярное издание

КЛИНИЦКИЙ Артем Игоревич

**Социальные революции
в российской истории**

Редактор *Т. В. Тулунова*

Технический редактор *В. И. Труханова*

Компьютерная верстка *Л. А. Астанковой*

Дизайн обложки: *В. М. Адаев*

Подписано в печать 8.09.2011. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,59. Тираж 100 экз. Заказ № 289

Адрес редакции и типографии: ООО «Издательство «Кузбассвузиздат».

650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 8 (3842) 58-29-34, т/факс 36-83-77. E-mail: 58293469@mail.ru

